Товарищ

новый

Минск, сентябрь 2017

Марксизм и политическая практика левых на современном этапе

Новый Товарищ

Дорогие читатели!

Очередной выпуск партийного бюллетеня «Новый Товарищ» содержит материалы Международной конференции «Марксизм и политическая практика левых на современном этапе», которая проходила в Минске 15-16 июля 2017 года.

В этом номере вы сможете ознакомиться с докладами, которые были прочитаны на конференции, и с одним из докладов, который в силу ряда причин не было озвучен на самой конференции, но включен в наш бюллетень в качестве дополнительного материала.

Также мы публикуем интервью с одним из участником конференции Георгиосом Верверисом из греческой коалиции радикальных левых (СИРИЗА), которое может дать представление о процессах, которые происходят сегодня в Греции и о роли радикальных левых в этих процессах.

Мы надеемся, что все материалы, опубликованные в новом выпуске нашего издания, вызовут у читателей интерес к современным социальным теориям и создадут почву для дальнейшего развития дискуссии о марксизме и его роли в современном мире.

Редакция Н.Т.

В НОМЕРЕ:

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 5
Сергей КАЛЯКИН, член Совета председателей Партии европейских левых, председатель Партии «Справедливый мир»

СОВРЕМЕННАЯ МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЁ НОСИТЕЛИ: ВОПРОСЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 7
Сергей РЕБРОВ. Эксперт Центра политических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО), руководитель Санкт- Петербургской исследовательской группы ИГСО, Россия)

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ 10
Сергей ВОЗНЯК, член Бюро Центрального Комитета Партии «Справедливый мир»

К 150-ЛЕТИЮ «КАПИТАЛА» 13
Максим Латур, Белорусская партия «Зелёные»

ЛЕВЫЙ ДОГМАТИЗМ КАК ЛОГИКА БЕССИЛИЯ 17
Павел КАТОРЖЕВСКИЙ, Член бюро минской городской организации Партии «Справедливый мир»

«ВСЕ ЛЕВЫЕ ГРЕЦИИ – ДЕТИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 20
Интервью с Георгисом ВЕРВЕРИСОМ, Координатором отдела европейской политики партии СИРИЗА

«КАПИТАЛ» МАРКСА В ДАТСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ : НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ – РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ МАРКСИЗМА В ДАНИИ 22
Профессор Нильс Розендаль Йенсен, Красно-Зелёный альянс (Дания)

РОЛЬ МАРКСИЗМА ДЛЯ ЛЕВЫХ В ГЕРМАНИИ 26
Д-р Олаф Мимик, консультант Исполнительного Комитета парламентской фракции партии «Левые» в Бундестаге, руководитель Фонда Розы Люксембург г. Берлина (Германия).

МАРКС БЕЗ «КАПИТАЛА»: КОММУНИЗМ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 28
Александр ОПАРИН, зам. председателя Минской городской организации Партии «Справедливый мир»

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ. ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ 31
Александр Бухвостов, председатель Свободного профсоюза металлистов

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МАРКСИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЛЕВЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ» 36

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Сергей КАЛЯКИН, член Совета председателей Партии европейских левых, председатель Партии «Справедливый мир»

Уважаемые товарищи!

От имени Совета председателей Партии Евпропейских левых (ПЕЛ) и Президиума ЦК Белорусской партии левых «Справедливый мир» сердечно приветствую участников международной конференции «Марксизм и политическая практика левых на современном этапе». Данная конференция проводится в соответствии с планом действий Партии Европейских левых в 2017 году.

Выбор темы сегодняшней конференции не случаен. Как известно, в сентябре текущего год исполняется 150 лет со дня выхода в свет первого тома выдающегося политико-экономического и философско-исторического научного труда К. Маркса «Капитал».

В этом фундаментальном труде содержится целый ряд научно обоснованных выводов, характеризующих закономерности функционирования капиталистического рыночного хозяйства, в том числе об исторической неизбежности замены капитализма более совершенной системой общественных отношений.

Все это крайне актуально сегодня, когда мировая экономика, основанная на капиталистических общественных отношениях, закономерно оказалась в глубочайшем социально-экономическом и политическом кризисе. Антагонистические противоречия между трудом и капиталом обострились до предела.

В полном соответствии с открытым Марксом Всеобщим законом капиталистического накопления все ускоряющимися темпами идет процесс концентрация и централизация капитала в руках немногочисленных транснациональных монополий, что стимулирует прогрессирующее углубление социальной пропасти между буржуазией и пролетариатом.

Как показывают данные мировой статистики, среднее состояние самых богатых растет в три-четыре раза быстрее, чем мировая экономика в целом. В результате неравенство достигло беспрецедентного уровня. Благосостояние 1 процента самых богатых людей на Земле превысило благосостояние 99 процентов остальных жителей мира.

На начало текущего года 62 самых богатых человека обладали такими же активами, как беднейшая половина населения Земли, а это 3,6 млрд. человек.

На полюсе богатства сегодня купаются в роскоши 194 тысячи так называемых ультрахайнетов (людей, состояние которых превышает 30 млн. долларов), в то же время на другом полюсе – полюсе нищеты — находятся 2,4 млрд. человек, вынужденных жить менее чем на 2 доллара в день.

Современность убедительно подтверждает теоретические положения марксизма о том, что в условиях капитализма технический прогресс не только не уменьшает, а усиливает неравенство и ускоряет процесс относительного перенаселения. Так, в результате перехода ведущих экономик мира на цифровые технологии, в ближайшие годы к уже имеющимся 200 миллионам безработных, добавится еще около 10 миллионов человек, потерявших работу.

Необходимо констатировать, что «Капитал», который иногда называют Библией рабочего класса, был хорошо изучен и востребован классом капиталистов. Достигнутые пролетариатом в последнее столетие социальные

и экономические завоевания, стали возможны не только в результате самоотверженной борьбы трудящихся за свои права, но и вследствие осознания капиталом жизненной необходимости делать частичные уступки для продления своего господства.

Именно знание закономерностей, открытых К.Марксом, позволили ведущим капиталистическим странам, используя глобализацию и офшорную экономику, последние десятилетия сглаживать противоречия, порождаемые капиталистической системой. Осуществить это удалось за счет экспорта нищеты на периферию мирового хозяйства и сверхэксплуатации имеющейся там рабочей силы. Однако сегодня эти возможности практически исчерпаны.

Все очевидней становится факт, что любые попытки излечить капиталистическую систему от врожденных пороков, не затрагивая ее основ, дают лишь временный результат. Аналогично тому, как инъекция морфия лишь временно облегчают страдания больного, обреченного на смерть.

Все очевидней становится факт, что любые попытки излечить капиталистическую систему от врожденных пороков, не затрагивая ее основ, дают лишь временный результат.

Показательна в этом смысле попытка преодолеть проблему закономерного относительного падения общей покупательной способности населения через кредит, что лишь ускорило процесс концентрации капитала и увеличило дисбалансы.

Абсурдность существующей капиталистической системы, подчеркивает ситуация на рынке ценных бумаг. Сегодня объем фондового рынка оценивается в 700 трлн. долларов, а совокупный годовой мировой продукт составляет 70 трлн. долларов. Проще говоря, мир уже потратил все свои доходы на 10 лет вперед.

Сегодня адепты капитализма пытаются спасти ситуацию с помощью запуска механизмов инфляции (Программы количественного смягчения в США и Японии), а также навязывания государствам, особенно странам так называемой экономической периферии, мер жесткой экономии. Но очевидно, что при накопленном совокупном мировом долге, а главное — при уровне долга ведущих экономических стран, эти меры неэффективны.

С точки зрения марксизма, выход из существующего всеобъемлющего кризиса нельзя найти, оставаясь в системе капиталистических общественных отношений. Необходим качественный переход к совершенно другой социально-экономической и политической формации — социализму.

Согласно широко распространенному утверждению, происходящее во время кризиса ухудшение социально-экономического положения трудящихся должно приводить к росту политической активности и радикализации их требований улучшения условий жизни, что подталкивает тем самым исторический процесс в направлении социализма.

Однако, как показывает исторический опыт, так происходит далеко не всегда. Кризис создает одинаковые возможности для сдвига как влево, так и вправо.

Например, экономический кризис 30 годов XX столетия, сопровождавшийся ростом популярности и поддержки левых, в результате привел к власти крайне правых. В Италии — фашистов, в Германии национал-социалистов.

Аналогичная ситуация наблюдается и в современной Европе. Наряду с ростом популярности левых сил, укрепляют свои позиции ультраправые националистические силы. Это происходит при поддержке капитала, который, не желая терять своифх властных позиций, пытается канализировать возрастающее недовольство масс итогами неолиберальной политики в русло ксенофобии.

Это является серьезным вызовом для европейских левых. Выход видится в активном продвижении в сознание людей современной марксисткой идеологии и всемерном укреплении единства пролетариата в его борьбе с «масонским братством» капиталистов.

Важно предложить людям привлекательную и в тоже время реалистическую модель будущего, которая базируется на принципах свободы, равенства, солидарности, демократии и освобождении человека от всех форм эксплуатации.

Сегодня европейские левые активно используют и развивают марксизм в своей политической практике. Обмен опытом работы и новыми идеями в сфере развития общественных отношений является целью сегодняшней конференции.

СОВРЕМЕННАЯ МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЁ НОСИТЕЛИ: ВОПРОСЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сергей РЕБРОВ. Эксперт Центра политических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО), руководитель Санкт- Петербургской исследовательской группы ИГСО, Россия)

Говоря же непосредственно о марксизме, особенно в честь 150-летия выхода первого тома "Капитала", нужно, на мой взгляд, затронуть именно тот вопрос, который многие прошлые и современные единомышленники Карла Маркса старались обходить стороной. А именно, вопрос критического анализа собственных воззрений. Не секрет, что сам Карл Генрих Маркс, пройдя долгую эволюцию от философа-идеалиста до серьёзного экономиста и социолога, рассматривал комплекс своих идей, который в дальнейшем получил название от его имени (марксизм), именно как научную теорию, описывающую процесс развития человеческого социума. Несмотря на то, что большинство идей немецкого учёного выдержали проверку временем и используются в трудах современных марксистов, главная проблема его последователей, которая в какой-то мере актуально для всех социально-политических теорий, не исчезла до сих пор, а именно догматизм. Нельзя сказать, что догматическое мировоззрение характерно лишь для носителей марксизма, но историческую зацикленность на определённых постулатах, можно найти даже в дискуссиях ведущих марксистов начала 20 века (Плеханов, Каутский, Ленин и тд). Интересно, что данные личности, несмотря на свою блестящую подготовку и знания, всячески пытались скрыть собственные теоретические д остижения, постоянно ссылаясь на работы Маркса и Энгельса. Ведь даже Владимир Ильич Ульянов-Ленин никогда не считал себя равным отцам-основателям марксизма, позиционируя себя лишь как проводник их идей в жизнь.

В дальнейшем подобная игра в правильного и неправильного марксиста, приобрела мировой характер, что, безусловно, не отменяет искажающий характер ряда теоретиков (Бернштейн). Однако, исходя из опыта, нельзя не отрицать, что последующая догматизация марксизма в мире была не только следствием советской идеологической практики, но определённой долей наследия в самих концепциях.

Непосредственно после Октябрьской революции марксистская теория неизбежно разделилась на два лагеря, которые помимо теории, поспособствовали разделению и самих партий. Российская коммунистическая партия и её союзники по Коминтерну (а за тем и по Варшавскому договору) дистанцировались от теоретического развития, оставляя право развития и открытия новых концепций лично Иосифу Сталину, что, естественно, не могло отменить тотальную догматизацию. Сталинистская трактовка марксизма, или же как я предпочитаю выражаться "кастрированный марксизм" стала единственно-верным течением в официальных компартиях, вплоть до появления маоизма и еврокоммунизма. После же смерти Сталина советский марксизм и вовсе потерял единственно-возможного теоретика, и какие-либо новшества были запрещены в принципе. Любые новые

теории и пересмотры однозначно оценивались как оппортунизм или ревизионизм и отвергались. Стоит сказать, чисто по факту, данные меры никак не сдержали свободомыслие советских учёных. В той же советской философии открыто практиковался принцип "латентного сторонника" когда кандидаты и доктора наук защищали диссертации по критике какой-то либо непризнанной сверху теории или концепции, маскируя это критическим анализом с марксистско-ленинских позиций. Но были и те, кто сумел стать всемирно-известными марксистами (Ойзерман, Ильенков и другие).

С момента же распада СССР советский марксизм, ровно как все иные марксистские направления, были полностью разгромлены в научном сообществе всего постсоветского пространства. Вчерашние преподаватели научного коммунизма и истории КПСС сбросили свои маски, стали либо махровыми антикоммунистами, либо же теми, кому марксизм просто перестал быть интересен. Что интересно, практически никто из них не отказывался от своих научных степеней, что говорит об их слабости убеждений вообще. Другая же крупная группа, не согласившаяся порвать со старыми идеями, к большому сожалению, стала теми, о ком писал ещё небезызвестный Питирим Сорокин в начале 20 века, а именно "адептами марксистской религии". Для них полное собрание сочинений Маркса-Энгельса-Ленина стали своего рода священным писанием, где каждое слово является абсолютной догмой. Обожествление даже фигуры Сталина стало обычным делом для бывшей советской профессуры, что отсутствовало даже во времена позднего СССР. Однако, даже многие из них в попытке поиска реальной деятельности вполне органично вписались в официальные постсоветские компартии (КПРФ, КПБ, КНПК и тд), предпочитая весь их идеологический маразм либо просто игнорировать, либо же самим активно поддерживать.

И лишь единицы, сформировавшиеся из преподавателей, активистов и левых диссидентов смогли создать так называемое, отечественное направление критического марксизма. Такие личности, как Борис Кагарлицкий, Александр Бузгалин, Андрей Колганов и Александр Тарасов стали теми, кто использовал наследие Маркса не как сборник догматики, а именно как наследие выдающегося учёного своего времени, во многом актуальное до сих пор. Но, тем не менее, современные реальные марксисты стран бывшего СССР во многом вынуждены работать в тех, же условиях, что и их западные коллеги.

Западный же марксизм (впоследствии неомарксизм) с самого начала имел иную природу, чем советский. В нём отсутствовало какое-либо единое направление, причём даже доминирующее так и не выделилось. Столь широкое разнообразие породило множество легендарных философов и теоретиков: Грамши, Лукач, Маркузе, Сартр, Альтюссер и многие другие. Однако главной же негативной особенностью является то, что марксизм на западе, вспоминая Перри Андерсона, был откровенно загнан в "академическое гетто". После ведущего теоретика Итальянской компартии, Антонио Грамши, все крупнейшие неомарксистские теоретики были в основном лишь университетскими преподавателями, не имеющими связей с реальными политическими силами. Официальные компартии рассматривали их идеи либо как оппортунизм и ревизионизм либо же просто как неплохую экзотику для получения голосов на выборах (как в случае с Альтюссером и ФКП). Крупным же социал-демократическим партиям вообще какие-либо новые идеи перестали быть нужны, особенно в контексте их перехода на откровенные социал-либеральные позиции.

Современные неомарксистские теоретики полностью наследуют традицию чрезмерного академизма ... Безусловно, это ни в коей мере не снижает научную ценность их работ, но здесь можно поставить вопрос ребром "Для чего нужна теория без практики?"

Современные неомарксистские теоретики полностью наследуют традицию чрезмерного академизма, такие личности как: Иммануил Валлерстайн, Дэвид Харви, Перри Андерсон, Терри Иглтон, Славой Жижек и другие, являются лишь профессорами в университетах и не более. Безусловно, это ни в коей мере не снижает научную ценность их работ, но здесь можно поставить вопрос ребром "Для чего нужна теория без практики?"

Другой же главной проблемой западного марксизма, можно назвать постоянное сползание в область абстрактной философии. Если же сам Карл Маркс шёл именно от анализа бытия и сознания к анализу экономики и политики, то неомарксисты старались же чуть ли не полностью уйти из экономики, оставив её носителям либеральных взглядов.

Отдельного слова заслуживают и представители троцкистского лагеря. Сам по себе троцкизм, родившийся именно как левая альтернатива сталинизму, к сожалению, неизбежно был обречён на маргинальность и сектанство. Подобная практика

продолжается даже в настоящее время, потому как троцкистские партии и движения представляют собой небольшие и закрытые секты и группы, пережившие не один раскол. При всём при этом, в теоретическом плане троцкизм действительно можно назвать наследником классического марксизма. Крупные троцкистские теоретики (сам Лев Троцкий, Эрнест Мандель, Тед Грант и Тони Клиф) не занимали крупных должностей в университетах и имели проблемы с законом, плюс к этому, троцкисты в отличие от неомарксистов действительно не уходили из экономики и политики, предпочитая их, абстрактной философии. Однако, несмотря на это трудно сказать, что троцкистская теория одарила чем-то новым мировую левую мысль, не считая конечно бесконечных дискуссий о природе СССР.

Несмотря на все вышеописанные мною проблемы, современный марксизм вопреки всем антикоммунистам действительно жив и продолжает развитие, но конкретно именно от нас с вами зависит не только вопрос критического отношения к собственным идеям, но и то чтобы мы, наконец, перестали заниматься только выяснением правильных и неправильных теорий, и в процессе созидания политического процесса, оставили буржуазных демагогов далеко позади.

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Сергей ВОЗНЯК, член Бюро Центрального Комитета Партии «Справедливый мир»

В первом томе «Капитала» в главе «Современная теория колонизации» Карл Маркс приводит рассказ английского экономиста Эдварда Гиббона Уэйкфилда о неком г-не Пиле, который в начале XIX века попытался наладить капиталистическое производство в Австралии (тогда она называлась Новая Голландия).

Г-н Пил взял с собой из Англии не только средства производства на общую сумму в 50 000 фунтов стерлингов (огромные по тем временам деньги!), но и семьи рабочих численностью в 3000 человек. Однако капиталистический эксперимент на земле, заселенной австралийскими аборигенами и европейскими каторжниками, не удался. Экспортированные из Англии рабочие разбежались, чтобы трудиться на себя, а не на Пила. Маркс пересказывает слова Уэйкфилда: вскоре «у г-на Пила не осталось даже ни одного слуги, который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки».

Как видим, г-н Пил все предусмотрел: взял в Англии деньги, средства производства, рабочие руки. Но забыл привезти с собой английские производственные отношения и английскую политическую систему того времени.

Эта поучительная история говорит о том, что любые экономические отношения необходимо рассматривать в контексте политической системы, по правилам которой эти экономические отношения функционируют.

И здесь уместно поговорить о такой экономической категории, как государственная собственность.

Прежде всего, необходимо прокомментировать восхищение, которое вызывает у отдельных зарубежных гостей, в том числе и коммунистов, экономическая система Беларуси, где доминирует государственный сектор.

По данным за 2016 год, на предприятиях, в уставных фондах которых государство имеет долю, трудилось около 1,5 млн. человек, то есть примерно треть экономически активного населения Беларуси. Госсектор сегодня вносит ключевой вклад в основные экономические показатели. Согласно официальным статистическим данным, в 2016 году организации с долей государства в уставном фонде обеспечили более 80% промышленного производства, на них пришлось более 60% полученной в стране выручки и почти 60% инвестиций в основной капитал.

Чем вам не социализм? – вопрошают отдельные граждане, в том числе и те, которые именуют себя коммунистами. Но это вульгарная трактовка марксизма.

Вспомните, как идеологи «раскола» Партии коммунистов Беларуси (ныне Партия «Справедливый мир») в 1996 году обвиняли нас в отходе от марксизма и доказывали, что настоящие коммунисты должны поддержать государственный капитализм Лукашенко. Один из руководителей пропрезидентской Коммунистической партии

Беларуси (ныне уже покойный) написал тогда статью в газете «Мы и время», где ставил нам в укор слова В.И.Ленина, называвшего государственный капитализм Германии 1918 года «половинкой социализма».

Действительно, 9, 10 и 11 мая 1918 года в трех номерах газеты «Правда» была опубликована ленинская статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». В ней автор полемизирует с «левыми коммунистами» сначала по вопросу заключения Брестского мира, затем – о некоторых аспектах внутренней политики молодой Советской власти. Именно здесь Ленин называет государственный капитализм, сложившийся к 1918 году в кайзеровской Германии, «одной из двух разрозненных половинок социализма». По Ленину, «государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике».

Что же не поняли вульгаризаторы марксизма в этих ленинских словах?

Во-первых, глава Советского правительства рассматривал германский государственный капитализм в качестве «шага вперед» по сравнению с тем мелкобуржуазным капитализмом, который господствовал еще в России в первой половине 1918 года.

Социализм тождественен демократии и без обеспечения широких политических и гражданских свобод невозможен

Во-вторых, Ленин говорит о двух «разрозненных половинках» социализма. Следовательно, чтобы социализм был цельным, к его немецкой «половинке» (государственный капитализм) неплохо бы добавить российскую «половинку» – власть рабочих и крестьянской бедноты.

Вывод из этой ленинской мысли: для народного государства госкапитализм не представляет никакой опасности и может играть прогрессивную роль, так как находится под полным контролем трудящихся.

Еще одна поучительная история в эту же тему.

В 1906 году ставропольский крестьянин Захар Степанович Мишин, только что избранный депутатом I Государственной думы, привез в столицу «Наказ» от крестьян-выборщиков, требовавших передать все земли в государственную казну. Ленин упоминает об этой крестьянской инициативе в Стокгольме в мае 1906 года во время выступления с заключительным словом по аграрному вопросу на IV (Объединительном) съезде РСДРП.

Являясь горячим сторонником национализации всех помещичьих земель, Ленин, тем не менее, называет требование Мишина о передаче земель царской казне «реакционным предрассудком». Он говорит, что казна России есть «казна полицейского, военного деспотизма». Чтобы быть убедительным, Ленин апеллирует к образу петербургского генерал-губернатора Дмитрия Федоровича Трепова, прославившегося в январе 1905 года знаменитым приказом «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Ленин задает риторический вопрос: «Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники, Треповы. Хочешь ли ты отдать землю чиновникам и Трепову?»

Ленин убежден: никакой выгоды крестьянам от передачи земли в царскую казну не будет.

А когда будет выгода? «Мы должны истолковать Мишину и ему подобным… Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет очень полезна им исключительно тогда, когда государство станет вполне демократической республикой».

Вождь большевистской партии выступает здесь как очень последовательный марксист. Он опирается на три базовых тезиса, сформулированных Марксом.

Первый. Маркс предполагал национализацию крупной капиталистической собственности, ее огосударствление только как первоначальный акт превращения государственной собственности в общественную. Иначе говоря, Маркс не отождествлял процесс огосударствления с процессом обобществления, государственную собственность с собственностью общественной.

Второй. По Марксу, социализм тождественен демократии и без обеспечения широких политических и гражданских свобод невозможен.

Третий. Маркс подмечал эксплуататорскую функцию государственного чиновничества. В одной из своих ранних работ «К критике гегелевской философии права», написанной за четверть века до «Капитала», в 1843 году, он говорит: «Бюрократия имеет в своем обладании государство… Это есть ее частная собственность».

Однако скажем еще несколько добрых слов о государственном капитализме, ведь В.И.Ленин называл его не только «половинкой», но и «преддверием» социализма.

Посмотрим на его основные признаки:

а) доминирование государственной собственности на средства производства;

б) государственные субсидии предприятиям, в том числе и частным, обеспечение их рабочей силой;

в) государственное регулирование отношений между трудом и капиталом;
г) защита национальной экономики и национальной буржуазии от иностранной конкуренции.

Мы видим, что в государственном капитализме заложен огромный социалистический потенциал. Но марксизм не называет его социализмом, лишь – половинкой, преддверием. Почему?

Разница между государственным капитализмом и социализмом заключается, прежде всего, в классовой природе государства: кому принадлежит политическая власть, кто держит в своих руках средства производства?

Разница между государственным капитализмом и социализмом заключается, прежде всего, в классовой природе государства: кому принадлежит политическая власть, кто держит в своих руках средства производства?

Двести лет назад г-н Пил, упомянутый в первом томе «Капитала», не понимал, что для налаживания капиталистического производства недостаточно одних только средств производства и рабочих рук. Нужна еще адекватная капитализму система политических и производственных отношений.

Сто лет назад ставропольский крестьянин-депутат Мишин не понимал, что государственная казна не осчастливит трудящегося человека, если на этой казне сидит обер-полицмейстер Трепов.

«Левые коммунисты» в 1918 году, как и раскольники нашей партии в 1996 году, не понимали, что самой по себе государственной собственности недостаточно для того, чтобы государственный капитализм начал движение к социализму.

Еще раз вспомним Маркса, который рассматривал бюрократию в качестве силы, приватизировавшей государство. И тогда единственный способ лишить бюрократию права распоряжаться государством как своей частной собственностью – сделать чиновника зависимым от народа, поставить его под гражданский контроль.

Таким образом, государственная собственность на средства производства способна продуцировать свой социалистический потенциал, то есть, служить интересам народа, а не государственной бюрократии и обслуживающей ее интересы национальной буржуазии, только в условиях широкого народовластия.

Кстати, в современном мире наблюдается ренессанс государственного капитализма. Например, правительства, а не частные акционеры, сегодня владеют крупнейшими нефтяными компаниями и контролируют 75% общемировых запасов энергоносителей. 13 крупнейших нефтяных компаний мира (по оценке их запасов) находятся в собственности государств и управляются государствами.

Ну и что? Можем точно так же, как Ленин спрашивал у крестьянского депутата Мишина, спросить у простых российских граждан: много вам пользы с того, что, скажем, «Роснефть» или «Газпром» являются государственными компаниями?

В бывших советских республиках Средней Азии государство сегодня безраздельно господствует в экономике. Ну и что? Это не мешает региону деградировать в сторону средневековой деспотии.

О Беларуси мы говорили в самом начале. Но хочу высказать совсем уж крамольную мысль: в условиях современной политической системы нашей страны человек, работающий на негосударственном предприятии, защищен от произвола работодателя лучше, чем его коллега на государственном.

Так что коммунистам не пристало демонизировать государственную собственность и молиться на нее. Марксистская партия должна добиваться установления политического народовластия, которое обеспечит функционирование государственного капитализма в интересах трудящихся и переход к социалистическим экономическим отношениям.

«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого».
К. Маркс «18 брюмера Луи Бонапарта»

К 150-ЛЕТИЮ «КАПИТАЛА»

Максим Латур, Белорусская партия «Зелёные»

Написав «Капитал», Маркс сделал четыре значимые и остающихся по сей день актуальными для нас вещи:

1. Оставаясь в рамках гегелевской методологии, убрал гегелевско-платоновский «Дух» и концепцию «Идей», развитие которых, независимое от человека, должно определять развитие человечества. В «Капитале» человек вновь обретает свое материальное бытие и несет ответственность за свое развитие, развитие человечества. Он вновь обретает Историю. История больше не отделена от человека, она производится непосредственно самим человеком, человеческими взаимодействиями, практиками.
2. Описал господствующую систему взаимодействия между людьми как саморазвивающуюся систему. Реальность того мира, в котором мы все находимся. Механизмы, напрямую не зависящие от нас, но определяющие наше бытие (социальное, культурное, индивидуальное), при этом, функционирующие за наш счет, поддерживаемые нами.
3. Ввел трудовую теорию стоимости, демонстрирующую, что понятие «справедливость» относительно, особенно в рамках распределения, и что «справедливость» недостижима в существующей системе отношений.
4. Через «трудовую теорию стоимости» сформировал базисный вариант макроанализа социальных процессов.

Все это – несомненные достижения, превращающие марксизм в ведущую философию, пока капитализм (товарно-денежные отношения в любом виде) не перестанет существовать.

Но Маркс, как и все мы, был всего лишь человек. Поэтому мы не получили от него стройной философской методологии (что, впрочем, характерно для модернизма – отсутствие целостной философской системы), подходящей для всех случаев жизни. Картина мира – вне экономического базиса – оказалась неполной, а социальные взаимодействия крайне схематичными и подходящими скорее для анализа a posteriori, чем обладающими прогностическим потенциалом. Картина мира «несправедливого распределения», которая, несомненно, обладает потенциалом для протеста и разрушения, ничего не говорит о том, что будет за ее пределами.

Как пример нарушенной логики можно привести марксистскую теорию смены общественных формаций. В упрощенном виде она выглядит следующим образом. Рабовладельческий строй с антагонистическими классами рабовладельцев и рабов превращается в феодальный, после появления класса феодалов и антагонистичного феодалам крестьянства. Феодализм пал после появления капиталистов и пролетариев. Смена формации предполагает появление нового способа производства и связанных с ним общественных отношений (новых классов).

Марксистская теория формаций, даже на вскидку, содержит минимум две проблемы:

1. Неравномерность распространения фор-

маций. Формация – это лишь схематическое описание типа общественных отношений, завязанных на способе производства. Когда мы начинаем рассматривать срез общества на определенном этапе, то обнаруживаем, что одновременно существуют области мира с разным уровнем развития отношений и производственных сил, что эти силы и отношения завязаны на внутреннюю историчность, наличие ресурсов, традицию, культуру и множество других особенностей. Переход из одной формации в другую не происходит одномоментно во всем мире и само понятие, если заняться сравнительным анализом одновременно существующих типов обществ и формаций, окажется очень расплывчатым, так как в капиталистическом обществе могут существовать типы отношений, характерные скорее для феодализма, или даже для рабовладельческого строя .

2. В капитализме Марксом четко определены антагонистические классы, капиталисты и пролетариат, но остается открытым вопрос о классах новой социалистической/коммунистической формации. Логика перехода из одной формации в другую внезапно редуцируется к бесклассовому обществу, структура которого не может быть помыслена, как и способ производства (базис), ей соответствующий.

Только анализ формационного перехода дает нам множество вопросов, на которые не удалось ответить за 150 лет. И опыт Октябрьской революции оказался в методологической ловушке отсутствия прогностического потенциала методов, которыми располагал марксизм. Большевикам пришлось действовать «с нуля». Совершить революцию в стране с незавершенным капиталистическим переходом, обладающей большинством признаков феодализма (например, преобладание крестьянства в структуре населения). Действовать путем проб и ошибок, не производя ретроспективный анализ и не зная, что конкретно они хотят построить.

XX век поставил перед марксизмом новые вопросы, на которые у него нет ответов:

1. Как возможно познание, и на что мы можем опираться в своем познании? Материализм Маркса (опора на реально существующие, значимые для бытия индивида и определяющие его поведение позиции) выродился в схоластику научного материализма/коммунизма. Пытаясь бороться с солипсистами, Ленин создал, базируясь на «Анти-Дюринге» (диалектике природы) Энгельса, теорию отражения, поместив предметы в неизмененном виде в голову человека. Теория была бы неплоха, если бы не несколько маленьких «но».

Если предметы, которые мы воспринимаем именно так, какими мы их воспринимаем, то следует прямо говорить о том, что все люди одинаковые (в рамках восприятия ими мира их окружающего). Не имея разницы в том, как воспринимает мир буржуа и наемный работник, как мы можем говорить о «классовом сознании»? Таким подходом мы производим редукцию опыта, культуры, условий. Мы скатываемся к формулировке «каждый человек может». Может стать богатым и счастливым. Что не соответствует даже тому примитивному единичному опыту, которым мы располагаем. Миллиарды людей не могут, потому что им «повезло» родиться в странах, где уровень жизни доллар в день, и они вынуждены ловить крыс, чтобы есть. Но и буржуа, которым «повезло», не всегда могут, иногда они превращают «кровавые» капиталы своих дедов-вешателей в «белые дороги», ведущие в пустоту, туман обнищания.

2. Классовый анализ слишком общий. Мы пытаемся говорить о классе как о структуре, обладающей определенными свойствами и интересами. Мы говорим о классе-в-себе и классе-для-себя. Об осознавших («сознательных») рабочих и рабочих, не осознающих своего положения.

Нужно понимать, что большую часть времени наемные работники (да и все люди) пребывают в атомизированном и инертном состоянии. Общность формируется вокруг точки совпадения взглядов на определенную (общую для данной группы) проблему, которая может быть решена только коллективно. И даже это не все условия. Проблема должна выводить членов формирующейся группы за пределы «точки комфорта», точки, до которой можно еще терпеть (угнетения, налоги, коррупцию, насилие и т.д.). Понятие класса (и через «в-себе», и через «для-себя») не описывает эти условности.

Одна из «докс» марксизма гласит, что буржуазия – это всегда «класс-для-себя», так как всегда следует своим интересам – в отличии от пролетариата, который может быть ослеплен (высокими зарплатами, привилегиями, обеспечением, условиями труда и т.д.). Но тот же самый эмпирический опыт говорит нам о том, что в буржуазии постоянно существует множество противодействующих групп, борющихся за собственные, часть очень «шкурные» интересы, и единство этих групп крайне условно, так как опирается на временную необходимость защиты своих капиталов. Марксистское «для-себя» в случае с буржуа описывает лишь то, что в буржуазии все интересы выкристаллизовываются быстрее, контуры всегда четко очерчены. Но, как и в случае с наемными работниками, мы должны говорить о единичностях, которые борются за улучшение условий собственного бытия (в первую очередь материального, но не только),

а объединение происходит в случаях, когда что-то угрожает этому бытию, – марксизм просто редуцирует эту единичность.

На основании вышеизложенного стоит понять, что «класс» – это инструмент анализа. Фикция, с помощью которой мы пытаемся объяснить реальность социального бытия. В момент, когда мы пытаемся углубиться в этот анализ, мы сталкиваемся с тем, что наш инструмент рассыпается в руках. Интересы отдельных представителей класса совсем не соответствуют тем, которые должен нести «класс». Мы переходим к бесконечному дроблению, говорим о «производительных» и «непроизводительных» наемных работниках, делим буржуа на «мелких», «средних», «крупных», наделяя их разными интересами. Внезапно сталкиваемся с «национальной» и «компрадорской» буржуазиями, феноменами «коллаборационизма» и «деколонизации». В бессилии начинаем выдумывать новые «революционные» классы: в 1960-х это была «молодежь», в 80-х – «экологи», в 2000-х – пресловутый, но не имеющий ясных очертаний «прекариат». И, наконец, совсем запутываемся.

Но приходит понимание, что «класс» – это инструмент. Воображаемый инструмент, не обладающий четкими, раз и навсегда данными свойствами.

3. Проблема Власти и насилия. К середине XX века уже стало предельно ясно, что Власть часто имеет внеэкономические причины, что она не всегда является результирующей противоборствующих в политике групп, что она имеет свою историю (общую и локальную), что ее движение, изменение, диалектика могут значительно влиять на общественно-экономические отношения, трансформируя их. Власть базируется на насилии. Прямом и косвенном, иногда на угрозе насилия, задавая рамки происходящего. И изменения во властных структурах происходят гораздо медленнее, чем изменения экономических процессов. И, в то же самое время, Власть сдерживает экономические изменения. Расширенное (по Фуко) понятие Власти подводит нас к пониманию феноменов «традиции», «патриархата», «гендера». Но сама Власть по-прежнему лежит за пределами марксизма.

4. Далее, «общее место» марксизма о кровавых тысячелетиях насилия над производительными силами, позволяющими «отомстить», уже не кажется такой прозрачной. Этот философски стройный пассаж приводит нас к «вилке», где возникают следующие вопросы. Не превращает ли насилие нас в насильников? Не превращается ли раб, убивший рабовладельца, сам в рабовладельца? Философская абстракция хороша ровно до того момента, пока не становится конкретным насилие против конкретных людей… Не искажается ли цель от применения подобных средств? Для того, чтобы выбраться из этого бесконечного переплетения целей и средств, необходимо четкое понимание разницы между целью и средствами, их уровни взаимодействия. Необходим полный пересмотр этики от абстрактного насилия, в котором «нет невиновных», к насилию конкретизированному и понимаемому как средство.

Попытка ответить на эти (и многие другие) вопросы в рамках марксизма приводит нас к идее, что необходимо начинать все сначала, сохраняя базисные понятия и вычленяя те релевантные моменты, которые были наработаны за прошедшие 150 лет. Остановимся на некоторых пунктах:

1. Анализ единичности, через который, путем последовательных синтезов, мы могли бы выйти на методологию, позволяющую производить обобщенный макро/микро-социологический анализ. Индивид зависим от точки своего расположения, времени, места. Он постоянно существует в и вовне различных коллективов, вовлечен в различные экономические, социальные, властные и т.д. отношения, базирующиеся на локальных и общих традициях. Он зависим от собственной истории общения (симбиоза, противодействия и т.д.) со всеми коллективами, с которыми сталкивался. При этом места, люди и коллективы не существуют в собственном локальном вакууме, а имеют свою как локальную, так и общую историю в рамках тотальности (уличной, городской, районной, областной, государственной, мировой). Все это многообразие множественных взаимодействий на различных уровняхскладываетсявдиалектику-культуру, созданное людскими практиками Нечто, постоянно контролирующее и подчиняющее своих создателей, в Левиафана.
2. Понимание того, что История – это вечная незавершенность, а ее анализ a posteriori не должен вводить нас в заблуждение, что она является чем-то нерелятивным, и что все не могло происходить каким-то иным образом. Понимание того, что История не существует вне людей, что она творится людьми, а не управляется движением и саморазвитием некоего «Духа».
3. Диалектика исключительно человеческий продукт – слепок того, как мы мыслим. А образ мышления, определяет мотивации, горизонты и пр. в рамках социума. Диалектика – это о человеческом сознании. Когда мы находим определенные процессы (химические, физические и т.д.) диалектичными, это говорит не о том, что они «диалектичны», а о том, что мы (люди, исследователи) мыслим их

диалектично. В этом заключается огромная ошибка Энгельса, перенесшего диалектику в Природу, из которой она нисходит к человеку. К сожалению, такой взгляд может привести только к фатализму, мысли о том, что мы ни на что не влияем, и все будет происходить определенным образом и независимо от нас. Если в области химических процессов такой фатализм и работает, то в плане социума он приводит к множественным аберрациям, которые не только затрудняют анализ, но и вводят нас в заблуждение, толкая к ошибочным выводам.

Маркс через «Капитал» дал нам марксизм. Это не только великий дар и достижение человеческой мысли, но и ответственность за то, что будет после. Вернув себе Историю в XIX веке, мы потеряли ее в XX, остановившись в развитии мысли. Нам необходимо сделать маленькое усилие и вернуть ее себе обратно. Вернув себе Историю, мы вернем себе свои улицы, города и, наконец, свою жизнь.

ЛЕВЫЙ ДОГМАТИЗМ КАК ЛОГИКА БЕССИЛИЯ

Павел КАТОРЖЕВСКИЙ, Член бюро минской городской организации Белорусской партии левых «Справедливый мир

150 лет с момента выхода первого тома «Капитала» – повод не только вернуться к изучению этой фундаментальной работы, но и оглянуться на то, что происходило с левой теорией и вытекающей из нее левой практикой за последние полтора века.

Давайте, для начала, задумаемся над этой огромной цифрой – 150 лет – и над тем, сколько исторических событий произошло с того момента. Но, несмотря на это, «Капитал» остается одной из самых актуальных книг нашей эпохи. Это подтверждается ростом продаж «Капитала» в Латвии, Великобритании, Германии и других странах. Именно в этом состоит величие исследований Маркса и одновременно трагедия. Оставаясь одной из наиболее важных для левого движения работ, «Капитал» Карла Маркса создал почву не только для развития коммунистической теории и подъема рабочего движения, но и для возведения марксистской теории в догму, которая, по мнению левых догматиков, якобы не подлежит переосмыслению и критической оценке.

Догматизм характерен не только для марксистских левых, но и для других представителей левой мысли, в том числе для тех, кто называет себя «антиавторитарными левыми» и, казалось бы, к догматизму не должны быть восприимчивы.

Чтобы детально и всесторонне разобрать проблему левого догматизма, для начала нужно уяснить, что мы понимаем под самим понятием «догматизм».

Достаточно точное определение, которое позже было воспринято диалектическим материализмом, дал догматизму Гегель как одностороннему рассудочному мышлению, которое догматически принимает только одну сторону диалектического противоречия и, как таковое, противостоит диалектике. Но все определения догматизма сходятся в одном – в наличии якобы непреложных истин, которые, по мнению догматиков, незыблемы и не должны подвергаться критике. Догматик не обязательно всегда некритичен к своим взглядам и может даже критиковать догматизм. К примеру, один из классиков марксизма Энгельс, опасаясь превращения марксистского учения в догму, в своем письме немецкому социал-демократу Фридриху Зорге впервые озвучил фразу, ставшую крылатой благодаря ленинскому прочтению этой фразы: «Марксизм не догма, а руководство к действию».

Но и эту фразу догматики поставили себе на службу. Признавая необходимость творческого развития теории, догматик непременно будет опровергать одну якобы непреложную истину другой якобы непреложной истиной, слова одного великого теоретика прошлого он будет «творчески развивать» с помощью слов другого великого теоретика. Иначе говоря, творческое развитие в его понимании будет выглядеть как опровержение одной догмы другой догмой.

Для того, чтобы понять, почему левый догматизм так стремительно овладевает умами, достаточно посмотреть на состояние левого движения, в котором оно находится на сегодняшний день.

Во-первых, заучивание некоторых постулатов

марксизма «наизусть», на первый взгляд, объясняет все стороны реальности и дает комплексную картину происходящего, не оставляя человеку необходимости в какой-либо самостоятельной умственной деятельности. Иными словами, догматизм просто-напросто легок для восприятия и ставит перед своим носителем всего одно требование – выучить марксизм наизусть, что, конечно же, сложно, но значительно легче, чем его понять.

Во-вторых, заучивание непреложных постулатов избавляет от необходимости постоянной политической практики, а любые провалы «традиционных» активистских практик легко оправдываются тем, что якобы необходимые объективные предпосылки не созрели и поэтому субъективные можно оставить в стороне. А при возникновении очевидного несоответствия теории и практики любая удобная цитата из трудов классиков снижает когнитивный диссонанс в сознании догматика.

Левый догматизм неизбежно создает образ врага и делит все левое движение на «правильных» и «неправильных» левых. Таким образом, вместо осуществления своих программных целей и установок, левые догматики бесконечно критикуют друг друга

В-третьих, левый догматизм неизбежно создает образ врага и делит все левое движение на «правильных» и «неправильных» левых. Таким образом, вместо осуществления своих программных целей и установок, левые догматики бесконечно критикуют друг друга. Нечто подобное описывал Эрих Фромм, когда попытка преодолеть собственное отчуждение выливается в стремление слиться с группой, категорически противопоставив себя при этом другой группе, отказавшись от своих чувств и мыслей. Такого рода конформизм статичен, а не периодичен и удобен для догматизированного сознания тем, что устанавливает обязательный образец. В данном случае, идейно-теоретический.

В-четвертых, догматизм часто возникает в попытке найти идеал успешной практической реализации своей теории и уверовать в то, что таковая имело место быть, не воспринимая ее критически, игнорируя изменившиеся исторические обстоятельства и явные шероховатости социального приложения. Эта причина, как и любое конструирование мифа, напрямую связана со страхом допустить малейшую возможность того, что привычные идеологические клише могут не работать. Отчасти эта «социальная ностальгия», предлагающая вернуться в будто бы «идеальное» прошлое, которого, возможно, никогда не было, напоминает библейский миф о изгнании Адама и Евы из Эдема. И для того, чтобы доказать, что такой эталон когда-либо существовал, теорию изгибают под удобным для восприятия углом и замораживают в таком состоянии навсегда, подкрепляя уместными аргументами из работ известных марксистов и других левых теоретиков, нередко взаимоисключающих, но обязательно взаимооправдывающих теорию и практику. То есть неверные представления о теории оправдывают неверные представления о практике и наоборот.

Заканчивая рассматривать причины распространения догматизма, следует сказать, что он имеет под собой не только субъективную основу, но и объективную. Почти все левые, вне зависимости от представляемой ими традиции, сходятся в том, что капитализм не работает и требует замены более совершенной системой. Почти все левые сходятся в том, как будет выглядеть это новое, более совершенное устройство общества. Самый яркий пример – почти двухвековой конфликт марксистов и анархистов, где разница лежит лишь в вопросе отмирания государства, либо его отмены здесь и сейчас. Проблема лежит во взгляде на способ реализации левого проекта. Между признанием несовершенства капиталистической системы и переходом к новой, более совершенной, лежит целая пропасть, имя которой – практика. Взгляд на то, как заполнить эту пропасть, очень отличается у разнообразных левых тенденций и, к сожалению, в ряде стран Европы (особенно на постсоветском пространстве) радикальное левое движение, во многом, находится в достаточно плачевном состоянии именно из-за того, что наиболее общие закономерности объективной реальности рассматриваются без учета политической практики и без ее проделывания, так как эта практика считается зачастую «оппортунистической» или наоборот «сектантской» и, следовательно, якобы не заслуживает никакого внимания.

Хотя Маркс, которого некоторые левые так и стремятся возвести в неизменяемый и безжизненный Абсолют, в свое время, упрекая парижских рабочих в «глупости отчаяния», тем не менее, горячо поддержал их, когда пролетарское восстание Парижской коммуны стало свершившимся фактом.

Также в свое время Маркс, тот самый Маркс, которого пытаются возвести в догму, открыто выражал свои симпатии к организации «Народная воля», которая всеми мыслимыми и немыслимыми способами нарушала левые догмы, а к рафинированному марксисту Плеханову относился скептически.

В конечном итоге, в споре о первичности революционного движения и революционной теории мы не имеем ни того, ни другого. Но вместо этого имеем огромное количество самопроизвольных умствований, оторванных не только от реальности, здравого смысла и интересующих только их носителей, но также оторванных от того, что подразумевается под марксистской теорией, которая должна не только объяснять, но и преобразовывать мир.

Может показаться, что я пытаюсь приравнять понятие «догматик» к понятию «левый радикал». Но ничего подобного ввиду не имеется. Схоластическая борьба терминов, приправленная реформистской риторикой, ничем не лучше такого же рода «ультрареволюционных фраз». Благодаря чрезмерной задогматизированности левого движения, мы не имеем ни левых радикалов, ни левых реформистов. Зато псевдорадикалов и псевдореформистов, которые ,по сути, друг от друга не отличаются, но ведут непримиримую теоретическую войну всех против всех, у нас в избытке. Философ-постмодернист Жан Бодрийяр назвал бы это симулякром третьего порядка, т.е. искажением реальности и сокрытием непосредственного отсутствия этой реальности.

Само собой разумеется, что сшить все осколки левого движения воедино не представляется возможным, если кому-то показалось, что в этом и заключена суть доклада. Процесс деления левых течений начался в 1872 году и продолжается по сей день. Пытаться его остановить равносильно попытке отменить невесомость. Тенденции на объединение в левом движении существуют, но сегодня мы говорим не об этом, и это объединение возможно, скорее, на почве ситуативного единства действий, а не на единой теоретической платформе.

Дело состоит в том, что весь исторический опыт классовой борьбы, строительства справедливого общества (которые объективно до сих пор остаются единственными лабораториями по поиску верных рецептов) и работы классиков надо не только изучать, критически переоценивать, но и применять, отказываясь от всего, что не способствует реализации тех целей, которые мы называем программными.

В свое время марксизм XIX века был адаптирован под начало XX века, а позже был пересмотрен в 1960-х годах вовсе не из-за того, что предшествующие формулировки казались неактуальными и были не вполне удобными для споров на конгрессах Интернационала. Большим прогрессом для всех левых сил станет отказ от споров о первичности или вторичности теории и практики и признание их безусловной взаимовлияемости.

«Практика – критерий истины» – одно из любимых изречений тех, кто называет себя марксистами и левыми вообще. Но ведь любая практика берет свое начало в теории, которая обосновывает ее применение, а теория, в свою очередь, берет начало в объективной реальности и реальных обстоятельствах. Это стоит признать и принять, если мы не хотим заниматься начетничеством, которым и занимаются разномастные левые догматики.

Я позволю себе небольшую аллегорию. Представим, что нам необходимо сбить ящик, с использованием молотка и гвоздей. И если мы будем мыслить диалектически, по-марксистски, то мы просто возьмем и соберем этот ящик. Изучим инструкцию и все сделаем. Догматик-радикал будет сидеть, смотреть на молоток и рассказывать, как этим прекрасным революционным молотком мы когда-нибудь соберем этот ящик. Догматик-реформист обратит внимание на отсутствие молотка и будет думать, как все это сделать без молотка, вместо того, чтобы сходить за молотком. А неомарксист будет сидеть и переписывать инструкцию.

Философия марксизма всегда формировалась на критике предшествующей философии, и критика собственного мировоззрения придает единство нашей идеологии. Я ни в коем случае не призываю полностью отказаться от марксизма. Так как догматизм зачастую возникает от незнания марксизма, когда человек мыслит исключительно цитатами. Наиболее яркий пример – это советская номенклатура, которая абсолютно не знала ни работ Маркса, ни работ Ленина, но очень умело пользовалась цитатами и бесконечно производила догматизм.

Все, что я хочу сказать, это то, что левым надо меньше спорить о теории, и полезны только те теоретические споры, которые ориентированы на практическое применение этой теории.

Сейчас я выскажу одну крамольную мысль. Один английский буржуазный политик, который не имеет отношения к левому движению, конечно, очень хорошо охарактеризовал Владимира Ильича Ленина как политика: «Оружие Ленина – это логика, а его логика – это оппортунизм». И левым, наверное, надо больше заниматься оппортунизмом. И как практика, так и теория должны зависеть от внешних обстоятельств. К примеру, радикальные времена требуют радикальных решений, но если прямо сейчас я приду и начну рассказывать рабочим о революции, то они меня могут просто не понять. Но даже самая прогрессивная левая теория рискует в итоге оказаться задогматизированной.

«ВСЕ ЛЕВЫЕ ГРЕЦИИ – ДЕТИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Интервью с Георгисом ВЕРВЕРИСОМ, Координатором отдела европейской политики партии СИРИЗА

СИРИЗА была создана из разных политических партий левой ориентации. Мы предложили разным левым партиям объединиться на общей левой платформе. Сейчас мы находимся в правительстве и у нас есть коалиция в парламенте.

Почему ваша партия находится в коалиции с консерваторами?

Коалиция с консерваторами была необходима . Для того, чтобы сформировать правительство, в Греции необходимо 151 кресло в парламенте, а у нас было приблизительно 145.

Левая СИРИЗА у власти! Это же уникальная ситуация для современного Евросоюза. Как такое стало возможным?

Начну с того, что все мы, все левые партии в Греции, – дети Октябрьской революции. Октябрьская революция – наша общая историческая мать. И мы объединили греческих левых! Наша двухпартийная политическая система находилась в коллапсе, и она была коррумпирована. Греческое общество было против антинародных мер, а мы предложили людям нашу левую программу. Они поверили нам и проголосовали за нас.

А что можно сказать о пропаганде, которая ведется против СИРИЗЫ со стороны правых сил и некоторых левых партий?

Многие сейчас стараются скрыть наши успехи и, в частности то, что мы пытаемся дать политические права всем, поддерживаем здравоохранение и открываем двери больниц бесплатно для всех. Мы восстанавливаем доступное образование для каждого. Мы сейчас имеем не только детские сады, но и школы для детей от 4-х лет. Мы также поддерживаем 14-летнее образование. Наша партия отстаивает права ЛГБТ на вступление в брак и право каждого гражданина иметь работу и пользоваться здравоохранением. Многие удивляются, когда узнают это, но нам удалось снизить безработицу с 26 до 22 %.

Какова идеологическая основа вашей партии? Есть ли какая-нибудь «генеральная» идеологическая линия?

Наш главный лозунг: «Люди важнее прибыли!» Это очень важно, ведь мы делаем политику для большинства, а не для нескольких богатых людей, которые стремятся контролировать страну и ,к сожалению, контролируют ее даже сейчас. Мы пытаемся привести простых людей в правительство, объяснять людям, что они являются хозяевами греческого государства, и у нас это получается. Сейчас мы имеем очень честный и открытый для общественной критики парламент. Я верю, что сейчас величайшие времена демократии в Греции, и на сегодняшний день Греция – образец демократии для всего мира. Это то, во что я верю.

А какие отношения с другими левыми партиями?

Мы верим в демократическую левую альтернативу. Мы начинали как альтернатива сталинистам и социал-демократам. Мы принимаем все идеи демократического социализма. Мы не хотим не только правых тоталитариев, мы не хотим и левых тоталитариев. Мы пытаемся вести образовательную работу среди молодежи , чтобы она поддерживала демократию в полном смысле этого слова.

Как вы оцениваете шансы партии на следующих выборах?

Мы верим, что наше будущее зависит не от политических решений, хотя и от них тоже. Но мы понимаем, что все политическое развитие Европы – часть нашего будущего и считаем своей целью уничтожения неолиберализма. И мы решили вступить в коалицию с социал-демократами. Чтобы они отбросили свое сотрудничество с консерваторами и перестали поддерживать неолиберальную политику против европейских трудящихся масс. Мы

хотим сделать союз между социал-демократами, «зелеными» и другими левыми для уничтожения неолиберализма в Европе. Это очень важно для нас, потому что правые силы стараются формировать свою повестку. Это видно по выборам в Польше, Австрии и Франции. А нам это не нравится.

Какое самое большое отличие между вашей партией и другими греческими левыми?

Самое главное различие – это то, как мы видим свое будущее: только в одной стране или во всей Европе. Остальные левые партии имеют будущее только в Греции. Мы стараемся быть частью европейского политического процесса, а они нет. Мы понимаем, что будущее Европы и в наших руках тоже, в руках левого правительства Греции. Я верю, что у нас есть общее будущее в объединенной Европе от уральских гор до Ирландии. Можно верить мне или нет, но у нас есть общие чувства, общая история, общие привычки. И у нас есть общее будущее. Мы не хотим границ и войн, но мы хотим гражданских прав и свободы слова. И я думаю, что в исторической перспективе мы сможем это сделать.

«КАПИТАЛ» МАРКСА В ДАТСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ : НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ – РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ МАРКСИЗМА В ДАНИИ

Профессор Нильс Розендаль Йенсен, Красно-Зелёный альянс (Дания)

Я хотел бы начать свое выступление с цитаты карла Маркса: «Идеи становятся материальной силой лишь тогда, когда они овладевают массами». Эта цитата напоминает мне о многих дискуссиях в рабочем движении. Однажды в Брюсселе на дебатах с бельгийскими социалистами они серьезно сказали мне : «У вас (коммунистов) есть идеи, но у нас, социал-демократов, есть массы!» Это может подойти под описание ситуации 1970-х годов, или, даже, 80-х. Но что в настоящее время? Какие идеи овладели массами?

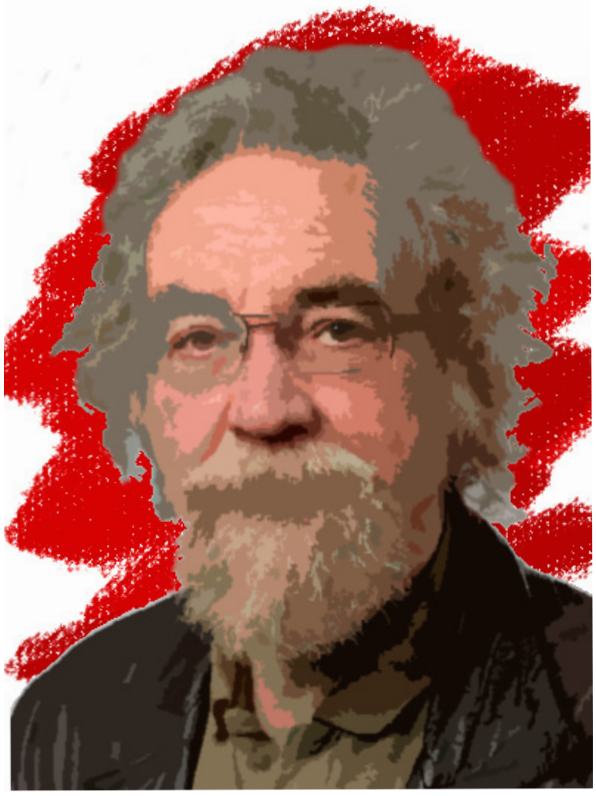
Левый альянс Дании был продуктом многочисленных усилий по объединению левых сил – коммунистов, левых социалистов и несколько небольших групп маоистов, троцкистов и так далее. Основополагающие документы и политические решения принимались в обстановке прогрессирующего неолиберализма и на фоне процессов, произошедших после падения Советского Союза.

Это означало очень сильную, волнующую и частично эмоциональную дискуссию о социализме или «реальном» социализме, который также обладал значительной долей недостатков и неправильного понимания влияния реального социализма по отношению к нашему «государству всеобщего благосостояния» или международной политике. Я не собираюсь останавливаться слишком много на этом вопросе, который сейчас был переосмыслен на внутренних дебатах в Альянсе. Я мечтаю и надеюсь, что эта дискуссия откроет социализм как альтернативу капитализму заново.

Проблема, тем не менее, состоит в том, что части широкого левого крыла стали интроспективными, нарциссическими и эксклюзивными.

А теперь вернемся к цитате. Какого рода теория или теории использовались в Альянсе и какие проблемы решаются? Концепция социализма – расплывчатое понятие, которому еще будет давно верное понимание.

Мои устремления не следует преувеличивать – Альянс не является полностью унифицированной партией в привычном смысле этого слова. Это сильное движение, объединяющее разнообразные точки зрения, ценности и убеждения. Раньше левая политика стремилась выразить коллективные действия и коллективные решения. Сегодня индивидуалистический путь намного сильнее, подразумевается, что опыт и усилия часто «приватизируются». Конечно, мораль, этика и политика имеют много общего. Проблема, тем не менее, состоит в том, что части широкого левого крыла стали интроспективными, нарциссическими и эксклюзивными. Это указывает на очень любопытную ситуацию: левые не будут делать политику. Делать политику – это значит предпринять совместные действия и убедить других людей с помощью ваших методов. К сожалению, некоторые виды деятельности довольно интровертны. Они следуют за Сократом «Знай Себя» вместо фундаментальной



идеи Маркса / Энгельса: «Знай Общество Твое».

Если мое предположение отчасти верно, мы должны пересмотреть важный опыт, проделанный в рабочем движении. И тут я хотел бы обратить внимание на два момента. Во-первых, идеи марксизма были фундаментальным вызовом для старого мира. Это привело капитализм к необходимости оправдываться и доказывать, что он не устарел и не умирает, и его как будто не надо заменять новым социальным порядком. Второе – современное значение марксизма. Я сделаю попытку пересмотреть часть этого опыта.

В реальной жизни развитие марксистской теории влияет на ее «применение» в политической практике

Понимание «Капитала» в Дании, безусловно, должно стать важной частью этого обновления политики революционных реформ. Что сделали ранние социалисты в Дании? Теория и практика, развитые Марксом и Энгельсом и продолжаемые более поздними теоретиками, имеют общую основу – материализм и диалектику, а в середине мы находим материалистическую интерпретацию истории или исторического материализма, которая является краеугольным камнем марксистской социально-экономической теории.

Исторический материализм в первую очередь обратился к промышленному рабочему классу 1850-х годов. Социал-демократическая партия в Дании выросла как самостоятельное движение в революционной конъюнктуре (Парижская Коммуна), ежедневная газета «Социалистическая» сначала публиковала первые марксистские тексты – например, «Гражданская война во Франции» и главу «Капитала».

Но это было только начало. Следующие сильные усилия были сделаны в 1880-х годах – после нескольких лет упадка и почти полного краха партия была восстановлена как ведущая сила или даже гегемон в рабочем движении, в том числе, в профсоюзах, основанных на «социалистических принципах». Поскольку к партии присоединилось большое количество новых членов, лидеры оказались перед дилеммой: новые члены не сразу поняли эти принципы. С другой стороны, организация рабочего класса была необходимостью. Дилемма была решена по-разному: борьба за доминирование на улицах (День Конституции и Первое мая), которые были выиграны; борьба за социальные реформы, координируемые партией. В те дни партия имела массы, и поэтому руководство подчеркнуло развитие теоретической и программной основы. С одной стороны, партия выиграла конкурс против ассоциаций консервативных работников, а с другой стороны, необходимо было интегрировать новых членов. Этот факт вызвал множество инициатив: посредством агитации в ежедневной газете «Социал-демократ» (бывшей «Социалистической») и публикациях статей в «Социалистической библиотеке» и «Социалистических записках». Эта кампания началась через год после смерти Маркса – ситуация подчеркивала сильные преимущества Маркса: теорию о прибавочной стоимости, историческом материализме, развитии социализма от утопии до науки и пролетарского интернационализма. На этом фоне открылась амбициозная попытка представить марксизм посредством его центральных работ…

Забегая вперед скажу, что было замечательно, что Капитал (тома I и II), а также более широкий круг других работ Маркса и Энгельса были переведены уже в 1880-х годах. Например, датский перевод тома I – третий по русскому и французскому языкам и был опубликован в 1887 году (в том же году, что и английский перевод). Перевод тома II был – кроме русского – первый и единственный до 1914 года. Кроме того, «Капитал» был опубликован ассоциацией рабочего движения в первый раз. И как последнее замечание: цена была низкой – стоимость приравнивалась примерно к средней заработной плате за день. Это означало, что цель публикации марксистской классики просто заключалась в том, чтобы предоставить рабочим доступ к марксизму.

Я попытался показать следующее: мы можем оглянуться на давнюю традицию публикации и изучения марксизма. Далее, мы можем проследить теории, которые захватили массы и стали материальной силой. И не в последнюю очередь – руководство решило укрепить понимание общества с помощью марксистской теории и послужило образцом для подражания, действуя на принципиальной марксистской основе.

Поэтому позвольте мне подвести итог:

- В реальной жизни развитие марксистской теории влияет на ее «применение» в политической практике.
- Что, в свою очередь, означает, что теория становится фундаментально регулируемой и регулируется эффектами ее собственного «слияния» или «слияния» с практикой, поскольку практика обеспечивает практическую, основанную на опыте, теорию, которая должна быть решена.
- Предоставляя теории практические проблемы, возникают новые условия для теоретических изменений.
- Другими словами: мой общий тезис является дополнительным, полученным из эффектов/

воздействий теории отношений – практики самой теории. Теория, как правило, сильно зависит от ее «применения» или «импорта»,

– Тезис также подразумевает, что теория состоит из отношения теории и практики, а не вне ее.
– Мы должны добавить исследование социальных условий этого явления.

Жизнь – это больше, чем работа, а работа – это больше, чем наемный труд. Мы должны настаивать на взаимной взаимозависимости производства, воспроизводства, личностного развития или формирования и политического участия

Кроме того, важно обратить внимание на то, как партия использовала эти теории. Например, требуя 8-часовой рабочий день, председатель профсоюзов в Копенгагене аргументировал свое требование посредством работы Маркса. Это требование было одной из краткосрочных целей движения. Но, обратив внимание на партийную программу, очевидно, следует идентифицировать диалектическую связь краткосрочных и долгосрочных целей – немедленного, фактического и общего, принципиального изменения общества посредством социальной революции. Эти два типа целей были не противоречивы. Они были тесно связаны с перспективой. Требования обуславливали друг друга. Основное предположение заключалось в том, что в повседневной борьбе рабочий класс должен был развивать понимание относительно долгосрочной перспективы и необходимости достижения долгосрочной перспективы.

Наметив некоторые из основных компонентов марксистской интерпретации в датском рабочем движении, последняя часть моего анализа будет сфокусирована на одной из текущих задач, а именно – автоматизации и роботизации частного и государственного бизнеса в отношении рабочего движения.

В соответствии с Марксом, Гаем Стэндингом и Фригг Хаугом, были разработаны другие интересные мысли о мире труда. Эта тема имеет решающее значение для Красно-зелёного альянса, поскольку мы находимся в авангарде борьбы за сокращение рабочей недели с 40 до 30 часов.

Гай Стэндинг утверждает, что доход граждан будет способствовать установлению стабильных условий жизни для многих безработных молодых людей. Кроме того, он пересматривает старую идею экономической демократии, которая может представлять большой интерес, поскольку она требует широкого участия в принятии решений и развитии завода или компании. Он также упоминает условные возражения, опираясь на Хиршмана (1991). Он вспоминает оценку Хиршманом реакции на каждую прогрессивную идею: извращенность, бесполезность и опасность. Насколько нам известно, все мы сталкивались с такими возражениями, когда распространяли идею установления права на безусловный базовый доход для каждого человека, независимо от статуса, работы, семейного положения, возраста или других факторов. Обеспечение гарантированного дохода является крайне необходимым только на основе гражданства. Для дальнейшего обсуждения мы хотели бы подчеркнуть, что базовый доход нельзя использовать в качестве панацеи. И другие компоненты должны быть частью этой игры.

Стэндинг упоминает ряд факторов, из которых мы будем подчеркивать только один. Наш аргумент заключается в том, что необходимо учитывать более широкое понимание работы. На данный момент работа в первую очередь приравнивается к оплачиваемой работе – подразумевая, что основная часть государственного вмешательств направлена на то, чтобы получить почти всех на оплачиваемой работе. Качество работы не замечено, а это означает, что безработных принуждают к тому, чтобы трудоустраиваться на любые рабочие места – даже самые неудобные, с низкой заработной платой, продолжительным рабочим временем, плохими условиями труда и т. д. Вкратце, мы являемся свидетелями «гонки за кнопкой». Вместо этого мы должны расширить эту узкую перспективу и обеспечить качество работы и признать, что большая часть работы является экономически неактивной, например, репродуктивная работа на дому (воспитание детей или уход за пожилыми членами семьи и пенсионерами, больными и инвалидами). Короче говоря, мы считаем необходимым расширить понятие работы. Как говорил Стэндинг, «в отличие от труда, работа может быть определена как сочетание творческого, концептуального и аналитического мышления и использования ручных способностей –жизнедеятельности человеческого существования».

Известное «Право на труд», которое излагается ООН, имеет долгую историю, демонстрирующую сочетание политической сознательности, патернализма, страха и стремления к контролю. Сегодня мы можем заметить, что многие рабочие места не обеспечивают справедливости.

Итак, мы делаем осмысленный выбор. Если мы понимаем право на труд как право, это означает, что должна быть свобода не работать (см. Пол

Лафарг «Право быть ленивым»). В рамках функционального подхода (разработанного Амарти Сен и Марта Нуссбаум) способность к работе влечет за собой выбор, если нет, то это не значительная свобода. В списке основных возможностей Марты Нуссбаум упоминается способность к работе: «Работа в том, чтобы работать как человек, использовать разум и вступать в осмысленные отношения взаимного признания с другими работниками» (Nussbaum 2011, стр. 33). Возражение против свободы от обязанности трудиться хорошо известно: у вас нет практического права на труд, но есть обязанность трудиться. Однако «обязанность, которую не могут удовлетворить все, даже если они хотят ее удовлетворить, явно несправедлива».

Основная проблема или основной недостаток заключается в том, что не происходит дифференциации труда и работы. Кажется, что только заплатив работу (или работая на зарплату), мы принадлежим к публичной сфере. Это определение исключает внутреннюю и добровольную работу.

Основной акцент на активизации и работе, прежде всего, означает, что гражданство подвергается опасности. Рольф Дахрендорф однажды сделал интересное замечание в отношении этой напряженности, написав: «Гражданство – это социальный контракт, который, как правило, действителен для всех членов, работа – это частный договор ... когда общие права гражданства зависят от людей, входящих в частные отношения занятости, они теряют свой частный и принципиально добровольный характер».

Лаконично говоря, мы должны перевернуть эту политику с ног на голову, чтобы лучше понять разницу между трудом и работой и содействовать активизации vita activa. Более того, мы не первооткрыватели в этой области. МОТ намеревается содействовать «приличной работе» или «достойной работе» – концепции, которая напоминает то, что мы бы назвали «работой адекватных возможностей». Мы можем выдвинуть еще одну точку зрения на работу под названием «работа по гражданству» в качестве предпосылки для безусловного базового дохода.

Жизнь – это больше, чем работа, а работа – это больше, чем наемный труд. Мы должны настаивать на взаимной взаимозависимости производства, воспроизводства, личностного развития или формирования и политического участия. Участие в производстве является стандартным способом получения основных средств для достойного уровня жизни, тогда как воспроизводство связано с заботой о детях или пожилых людях. Формирование, образование и личное развитие означают процветающую жизнь, и политическое участие имеет решающее значение для участия в демократических процессах. Четыре части должны быть уравнены и стать шагами в наше общее будущее, поскольку знаменитая немецкая феминистка и марксист Фригга Хауг заявляла о перспективе «четырех-в-одном».

РОЛЬ МАРКСИЗМА ДЛЯ ЛЕВЫХ В ГЕРМАНИИ

Д-р Олаф Мимик, консультант Исполнительного Комитета парламентской фракции партии «Левые» в Бундестаге, руководитель Фонда Розы Люксембург г. Берлина (Германия).

В 1990 году я начал учиться в университете и изучать философию. Это было время, когда многие люди в бывшей ГДР сделали вид, что они никогда ничего о социализме не знали. Это отразилось и на университетах. Те, кто были марксистами, внезапно перестали ими быть. Это было и в западной Германии. И поэтому в 1990-е годы неожиданно возникло доминирование постмодернизма. И параллельно все захватывало неолиберальное экономическое мышление. И особенно заметно это было по тому, как социал-демократические партии приняли все эти неолиберальные мысли и концепции.

И где-то на рубеже веков начал проявляться интерес к марксизму, хоть и небольшой. Но только в университетах. Это можно было заметить по количеству защищенных диссертаций, по учебным процессам, по совещаниям. Объяснений этому может быть несколько. Но основой этого я считаю интеллектуальное противопоставление идеологическому неолиберальному мейнстриму.

На одном пункте я хотел бы остановиться подробнее.

Только «Левые» постоянно выступают против неолиберальных представлений о общественном устройстве и экономике

В 1990-е годы постмодернисты и либералы, такие как Френсис Фукуяма, объявили, что история закончилась и больше никаких больших идеологий быть не может и об этом не может быть даже никаких разговоров, так как победили демократия и капитализм. А тех, кто в этом сомневался, объявили людьми вчерашнего дня. И с такой же энергичностью неолибералы принялись объяснять, что с таким понятием как «социальное государство» покончено. Но нужно все-таки заглянуть за этот горизонт, горизонт западного мира, и мы увидим, что исламизм является идеологией и приобретает все больше и больше значения. И только на этом примере можно увидеть, что что-то в картине западного мира не сходится, он сам себя обманывает.

И одновременно с продвижением неолиберализма проявлялся его классовый характер. Например, до финансового кризиса в Германии отмечался солидный экономический рост, но при этом зарплаты не увеличивались. То есть, то положение прошлых лет о том, что все прибыли должны быть хотя-бы частично переданы трудящимся, уже не действовало. И это тоже могло быть причиной повышения интереса к марксизму. Как минимум, после финансового кризиса это самодовольство неолиберализма было слегка нарушено. Пока еще, конечно, неолиберализм в политике доминирует. И пока, даже, не видно, когда это может измениться. Но неолиберализм уже готов идти на определенные уступки и уже не находится в позе

безоговорочного победителя. Однако, я не хочу распространять наивный оптимизм. Неолиберальная политика ослабила все демократические учреждения и институты.

В Германии две самые большие партии, т.е. ХДС/ХСС и социал-демократы, придерживаются вариантов умеренного неолиберализма. Зеленые начинают раскалываться, у них есть правый неолиберальный фланг и левый, который начинает понемногу отказываться от неолиберальных иллюзий, но этот левый фланг у Зеленых очень-очень слаб. Радикальная неолиберальная партия «Свободных демократов» и правые популисты, набирающие силы, – это тоже еще одна новая неолиберальная партия. И только «Левые» постоянно выступают против неолиберальных представлений о общественном устройстве и экономике.

И вот проблема – нам нужна другая политика, но смену политики организовать очень сложно. Но если выборы не дают возможность выбрать реальную альтернативу, то это ослабляет демократию. Это видно по кризису евро. Благодаря кризису евро, установился такой господствующий режим, который глубоко залазит в демократическую политику отдельных стран, и общество этих стран направляет в сторону очень сомнительной политики «жесткой экономии». Это было очень хорошо заметно на примере Греции, то есть вы можете выбирать кого хотите, только не вообразите себе, что этим вы можете что-либо изменить.

Во всех соглашениях о свободной торговле, которые сейчас заключаются, например, между странами Европейского союза и Соединенными штатами или между странами Европейского союза и Канадой речь не идет, в общем-то, о свободной торговле товарами или услугами. Мировой рынок уже сейчас достаточно либерализирован. Что означает, что в этих соглашениях защита инвестиций предоставляется международным арбитражным судам. Дело в том, что в современном правовом государстве инвестиции могут быть защищены с помощью национального права. А в этих договорах о свободной торговле речь идет о том, чтобы организовать «параллельное право». И это параллельное право должно защищать интересы транснациональных корпораций. И любая политика возможна только тогда, когда она не затрагивает интересы этих концернов.

Я должен сказать, что мы действительно имеем дело с кризисом демократии в Европейском союзе.

Ну а теперь о том, каким образом это связано с Марксом. Маркс разработал теорию, которая явно показывает связь между удовлетворением интересов капиталистического класса и ослаблением демократии. Теорию бонапартизма. Кроме того, Маркс описал, почему растущее неравенство является нормальным состоянием капитализма. Но, можно сказать, что политика, которая говорит об этом, еще не является марксистской. Марксистской она будет только тогда, когда она будет затрагивать и отвечать на вопросы: как мы хотим производить, в каких условиях мы должны что-то производить и как мы хотим жить. Другими словами, когда она эти вопросы о способе производства и образе жизни сделает вопросами демократии.

Совсем абстрактно. В базовой программе Левой партии такие вопросы затрагиваются, но, к сожалению, в современной предвыборной программе левых я отмечаю возврат к левым социал-демократическим требованиям. Это, наверное, связано с предыдущим господством неолиберализма. Это, в принципе, не является критикой моей партии «Левые». Это критика марксизма, а прежде всего, его состояния в Германии.

МАРКС БЕЗ «КАПИТАЛА»: КОММУНИЗМ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Александр ОПАРИН, заместитель председателя Минской городской организации Партии «Справедливый мир»

Марксов «Капитал» – это, без преувеличения, поистине монументальное произведение, которое инициировало появление современного левого движения. Оно вооружило его теоретическим аппаратом и прогностическим видением, своеобразной марксистской футурологией, питающей нашу убежденность в особой социально-политической «миссии» левых.

Впрочем, «Капитал» – это фундаментальное произведение не только для левых. Например, ныне он активно изучается и преподается в США, входя в число 40 книг, которые наиболее часто используются в образовательных курсах по экономике.

Впрочем, тут есть одна коллизия – очень часто в западной образовательной практике это произведение рассматривается только как некий исторический документ, зафиксировавший прошлые состояния капитализма, но ничего не говорящий о его современных состояниях.

Разумеется, мы с этим не можем согласиться, потому как для нас это означает еще одну попытку «задвинуть» Маркса, убрать его в музейные «запасники», – как это, например, сделали в Будапештском университете со скульптурной группой Маркса-Энгельса. Это попытка принизить теоретическое значение марксизма, представить его неактуальным, а поэтому уже несерьезным и вполне безопасным для «большого Капитала»; превратить в эдакого витающего в облаках «трирского бородача-мечтателя», в памятник навсегда ушедшей эпохе.

К слову, любопытный факт о такой своеобразной «музеификации» наследия «трирского мечтателя». В 2013 году «Капитал» и «Манифест Коммунистической партии» по предложению Германии и Нидерландов были внесены в реестр документального наследия ЮНЕСКО «Память мира» вместе с, например, революционным произведением Коперника «Об обращении небесных сфер», сохраняющего своё непреходящее историческое значение, но подрастерявшим свой радикализм уже спустя полстолетия после издания.

Есть ещё одна опасность, которая всегда подстерегала и подстерегает Маркса с его позицией, и она связана как раз с «Капиталом». Это характерная для некоторых левых попытка представить его только как величайшего политэконома и так заслонить его экономикой общее звучание учения, которое, как раз, как представляется, только к политэкономии не сводится.

Этот подход, разумеется, имеет свою логику. Во всяком случае, «коперниканский переворот» самого Маркса как раз и состоял в «переворачивании» гегелевской традиции «с головы на ноги», когда первопричину социальных проблем стали искать не в политических формах социальной организации общества, а, напротив, – в экономических условиях жизни людей, порождающих все прочие формы социального устройства.

Иначе, если Гегель гражданское общество с присущей тому частной собственностью выводил из идеи государства, ввиду чего считал институт собственности необходимым элементом не толь-

ко общества, но и условием реализации человеческой свободы, то Маркс уже утверждал ровно обратное – что это гражданское общество с присущей тому частной собственностью порождает соответствующие политические отношения, при этом частная собственность не только ограничивает человеческую свободу, но и угрожает свободе и даже жизни, полноценной жизни, всего социума.

Однако, по моему убеждению, политэкономия послужила Марксу только инструментом, только способом показать нечто иное, заявить о невозможности капиталистического настоящего, заявить о его патологиях, ведущих в конечном итоге к глобальному экономическому коллапсу и социальной деградации. «Экономический детерминизм», это, конечно, важнейшая часть учения Маркса, как и материалистическое понимание истории, но это, если хотите, не все, это только теоретическое обоснование того, что мир может быть и должен быть лучше, что на капитализме все не заканчивается, и что его необходимо преодолеть.

У нас нет никаких формальных оснований считать, что он отказался от себя «раннего», во всяком случае, в его текстах этого нет. Речь идет об эволюции самого Маркса, но мощный источник этой эволюции в его раннем творчестве и выбранной в начале этой эволюции этической позиции

Я думаю, все помнят, что в своем гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» в 1835 году написал молодой Маркс:

«Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование <…> человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага…»

И далее,

«история признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей…»

В чем же видит общее человеческое благо Маркс? Вспомним тут еще один фрагмент, соотнеся его с тем прежним концептом «гражданского общества», который в гегелевской философии критикует Маркс. Это известный десятый тезис из «Тезисов о Фейербахе»:

«Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество…»

Заметим здесь – «обобществившееся человечество». Что здесь имеет в виду Маркс? Отнюдь не природную, не простую антропологическую общность, но именно «человеческую», «обобществившую» саму себя. Разумеется, речь тут идет о новом концепте, изначально рождающемся как представление о финале человеческой истории – о «коммунизме», которое, как считается, в современном виде было заимствовано в 1840-х годах из французского языка, где communisme является производным от commun — «общий, общественный» (сам Маркс, как указывается, стал его употреблять в 1842 году).

Но я бы позволил себе обнаружить в этом известном тезисе Маркса отсылку к еще одному понятию – «гуманизм», – в том оригинальном виде, как его понимал Цицерон и как его впоследствии восприняли из Античности представители Ренессанса К.Салютати и Л.Бруни . Ведь не просто так Маркс предлагает нам два определения будущего социального состояния, где одно относит нас к «коммунистическому», а второе… – к «человеческому»?

Почему «человеческому», что тут имеет в виду Маркс? С «обобществившимся», повторюсь, все понятно, а вот что со вторым определением? Тем более, что выше Маркс отказывается рассматривать «человека» и «человеческое» антропологически. Все дело в том, что я бы назвал «казусом перевода», потому что немецкое menschlich – это не только «человеческое», но и «человечное», прежде всего – «человечное»…

Мне сейчас могут возразить, что я снова пробую противопоставить гуманизм «молодого» Маркса и «экономизм» Маркса «зрелого». Отнюдь, я не претендую на теоретические прорывы и заблуждения Франкфуртской школы и «новых левых». Впрочем, не претендую и на то, чтобы вступать в дискуссию по поводу объявленного Альтюссером принципиального «антигуманизма», а, тем более, «сциентизма» Маркса. Собственно, эта дискуссия идет с 1930-х годов, – с самого момента опубликования «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

Я хочу сказать совершенно иное – то, что мы имеем дело с одним и тем же Марксом, с одним и тем же человеком, который поставленные в самом начале своего творческого пути цели и задачи решал и решил до конца, насколько смог. У нас нет никаких формальных оснований считать, что он отказался от себя «раннего», во всяком случае, в его текстах этого нет. Речь идет об эволюции

самого Маркса, но мощный источник этой эволюции в его раннем творчестве и выбранной в начале этой эволюции этической позиции.

Есть, правда, одно маленькое замечание, которое следует постоянно держать в уме. Состоит оно в том, что условный «ранний» Маркс – это комплекс текстов, которые при его жизни не были опубликованы; даже те из его произведений, которые могут быть отнесены к «переходному» периоду. Например, те же «Тезисы…» будут опубликованы Энгельсом только в 1888 году, а, скажем, «Немецкая идеология» так и не найдет своего издателя до 1932 года. В итоге вопрос состоит в том, что он сам хотел бы и захотел бы опубликовать, в каком виде, что вынес бы на суд «массового читателя».

Но, на мой взгляд, тут особой проблемы нет. Напротив, проблема была тогда, когда мы имели только Маркса, погребенного под его собственным «Капиталом». Теперь же мы можем обозревать его творческий путь целиком во всей его полноте – от темы «отчуждения» и постановки вопроса о необходимости освобождения человека и до завершающего все трезвого экономического анализа капиталистической действительности, который не оставляет надежды для апологетов капитализма.

И вот снова у нас прозвучало – «освобождения» человека… Снова повторю, что Маркс видел перед собой, прежде всего, этический горизонт. И с цифрами и диалектической логикой в руках доказывал не только возможность, но и необходимость осуществления коммунистического проекта, когда говорил о действительном освобождении человека. При этом мы все помним, что писал сам Маркс:

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние…»

Что он имеет в виду под «теперешним состоянием»? В том числе и то, в которое было погружено большинство его современников, которые были обречены «на оскудение и опускание до уровня машины» из-за невыносимой работы, отнимавшей при этом львиную часть их жизни – так, что оставшегося времени едва хватало на отправление биологических потребностей: в еде, сне и биологическом же воспроизводстве. В результате Маркс пишет о необходимости возвращения человека самому себе, семье, родным, а это означало для теоретика необходимость высвобождения человека из-под власти экономических обстоятельств.

В «Рукописях 1844 г.» и «Немецкой идеологии» это означает уничтожение отчужденного и разделенного труда как того, что мешает отстоять «человеческое» в личности человека. На место такого труда, отнятого у человека ввиду господства частной собственности и экономической целесообразности, должна была прийти творческая самодеятельность человека и его всестороннее развитие, особенно в части способностей, не предполагающих финансовой выгоды ни для владельцев средств производства, ни, что самое страшное, для него самого. И даже в «Капитале» Маркс (настойчиво развивая прежнюю тему освобождения от принудительного труда) не может не упомянуть про «царство свободы», которое

«начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства…»

По другую сторону лежит

«развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие…»

Известный исследователь немецкой философии Том Рокмор говорит про этот фрагмент как «ошеломляющий», другие видят в нем отзвуки «романтизма» молодого Маркса. Заключительный пассаж про сокращение рабочего дня вообще позволяет упрекнуть Маркса в склонности к «реформизму». С другой стороны, в этом пассаже Маркс, скорее, желает заявить лишь о том, что индустриальное общество и действительная человеческая свобода в принципе могут найти компромисс – если человечество сможет вернуть себе контроль над экономическими обстоятельствами, которые возвышаются над ним как необходимость в капиталистических условиях. Причем это в равной степени касается как нанимателей и владельцев средств производства, так и наемных работников. Впрочем, это уже частности…

Завершу все это следующим соображением. Как бы мы не относились к «Капиталу» Маркса и его историческому значению, как бы не оценивали отношение творчества «позднего» Маркса, Маркса-политэконома и ученого, к его «раннему» периоду, «гуманистическому» и «философско-антропологическому», несомненно одно – в конечном счете, при всем многообразии «марксизмов» всех их объединяет одно – обостренное чувство справедливости и желание служить делу человеческой эмансипации, делу освобождения людей из-под гнета нечеловеческих условий жизни и труда.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ. ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ

Александр Бухвостов, председатель Свободного профсоюза металлистов, глава оргкомитета Белорусской партии трудящихся

Предыстория

Маркс писал «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

В этих отношениях один субъект, добивается в силу общественных издержек, несовершенств и личных способностей возможности принуждать к труду других субъектов, распределять результаты общественного производства и получать в своё распоряжение его значительную часть. Одновременно он получает также возможность более полно удовлетворять свои самые невероятные потребности, жить обеспеченнее и роскоши, интереснее, дольше, создавать хорошие условия и для своего потомства. А те, кто не имеет источников для существования или лишённый их, обрекается на общественную мало значимость, зависимость от других людей, скудность жизни своей и потомства, незащищённость и преждевременную гибель.

Маркс в свое время сказал, что: « нет ничего более неравного, чем равное отношение к неравным людям». Если вы употребляете равные условия, равный подход к людям, у которых разные способности и возможности, то возникнут совершенно разные результаты.

Производственные отношения бывают двух принципиально разных типов.

Первый, в котором люди принуждаются к труду насильственно или экономически с последующим отчуждением результатов их труда.

С древнейших времен и до наших дней такой характер производственных отношений пока является преобладающим в мире. Именно в этом и состоит первопричина большинства общественных противоречий на планете.

Второй, в котором люди трудятся, заинтересовано и обосновано участвуют в распределении конечных результатов производства. Для многих привыкших к подневольному труду, такие отношения кажутся не возможными.

Попытки идеологизировать производственные отношения, затушевать существующие противоречия, не имея на это объективных условий, ведет к драматическим последствиям, которых в истории не мало.

Для того чтобы уяснить нынешнее положение в Беларуси, следует оценить производственные отношения, которые существовали в СССР.

Собственником всех средств производства в Советском Союзе являлось государство через свои структуры: министерства, ведомства, предприятия. Эти структуры обладали правом определять характер производственных отношений, принуждать людей к труду и устанавливать порядок распределения продуктов производства. Производственный продукт, который служил для воспроизводства и прибыль, передавалась, им. А работники предприятий и организаций получали часть производственного продукта в форме заработной платы.

В промышленном производстве действовали капиталистические отношения.

В аграрном секторе, в отношениях государство-колхоз практически действовали феодальные отношения. Государство взымало с колхозов дань, а колхозу оставалась часть (прибыль + зарплата) в размерах определенных государством.

Отношения государство – человек (гражданин

страны) опускались еще ниже. В Советском Союзе человек не имел частной собственности в стране и сам был собственностью государства. Практически реализована не общественная собственность на средства производства и не «условия для свободного развития каждого как условие развития всех» соответственно учению о коммунизме и социализме, а государственная собственность на весь общественный продукт и на людей как на рабочую силу. При самых прогрессивных устремлениях в идеологии, в решении социальных вопросов, в экономическом базисе общества была построена система государственного рабовладения.

Людям нужна Свобода, без неё нет личности, нет гражданина, нет эффективных производственных отношений

Архаичный экономический базис не соответствовал развитию производственных отношений в мире. Западному миру было проиграно в главном – в производительности труда.

Резюме: Производственные отношения в западном мире развивались в соответствии марксистским учением, в Советском Союзе от Маркса не оставили ничего, кроме вырванных из текстов цитат. Недаром в ряде учебных заведений западных стран преподают курс: К. Маркс. Капитал 1 том.

Состояние производственных отношений

Беларусь после 1996года вернулась к тем же отношениям, к тому экономическому базису, который был в Советском Союзе. Средства и результаты производства принадлежат государству. Работник получает часть продукта, которое не является рыночной ценой его рабочей силы.

Введение краткосрочной контрактной формы найма ограничили свободу работника в трудовых отношениях, последующие декреты и постановления, противоречащие Конституции и Трудовому Кодексу в полной мере установили диктат нанимателя. Следует отметить, что нестандартная занятость, в том числе краткосрочные и «нулевые контракты», другие приемы максимального извлечения прибыли используются капиталистами во всех странах, но особенность «белорусского варианта» в том, что эта форма трудовых отношений стала инструментом лишения работников реальных политических и гражданских прав. А также крупнейшее профсоюзное объединение – Федерация профсоюзов встроена в государственную систему подавления работников.

Что же получается? Средства производства, прибыль принадлежат государству. Работник получает столько, сколько ему соизволит выделить государство через Министерства, администрацию предприятий.

Если оценить какой же экономический базис создаётся в белорусском обществе, то можно видеть, как уничтожаются ростки капитализма, как формируется государственного феодализма.

От имени государства Президент имеет уже неограниченную власть, распоряжается всем и всеми в стране. А забота о трудящихся, это скорее забота не о людях, о гражданах, а об орудиях труда, о подданных или рабах.

Людям нужна Свобода, без неё нет личности, нет гражданина, нет эффективных производственных отношений.

Усиление режима и проводимой политики всё дальше и дальше толкает Беларусь в прошлое.

И все эти разговоры «о рыночном социализме» пустая демагогия и абсурд. Белорусский режим всё больше отчуждает трудящихся от результатов труда и усиливает их эксплуатацию.

Главный признак феодальных отношений - произвол собственника - государства. Он казнит и милует, диктует задания, нормы, законы, правила поведения и наказывает за их не исполнение. Подобные действия сковывают творческий потенциал людей, превращают их в серую, обезличенную массу.

Кстати, Маркс называл феодальные отношение «азиатским способом производства».

Феодализм характеризуется внеэкономическим принуждением к труду. Это свойство имеет ключевой характер. При капитализме рабочие сами предлагают свою рабочую силу. Их к этому принуждает голод. Отмена внеэкономического принуждения к труду стимулирует развитие научно-технического прогресса. Ибо личная свобода как раз и является условием того чтобы носители технического обновления предлагали свои услуги там, где они могли лучше. В Беларуси начинают превалировать внеэкономические формы принуждения к труду. Один из актов – Декрет №3 « О предупреждении социального иждивенчества» пример таким действиям, есть и другие законодательные акты, направленные на ограничение свободы гражданина в трудовых отношения. Сохраняется и детский труд, конечно не в такой жестокой форме как на английских мануфактурах, описанной К.Марксом в первом томе «Капитала».

Предписано властью не увольнять, скрывая безработицу, понуждать к практически не оплачиваемому труду через центры занятости.

Так что такие проблемы, как скажем, новые трудовые ресурсы и где их искать у нас - незначительны. У капиталиста есть деньги для того, чтобы нанять новую рабочую силу, но он тут же сталки-

вается с потенциальным барьером. А что если трудовых ресурсов недостаточно? А что если эти трудовые ресурсы, хорошо организованы, у них есть свои профсоюзы, и они голосуют за какую-то политическую партию, которая требует повышения зарплат? За трудовые ресурсы приходится платить больше, а если капиталисты платят больше за труд, это значит, что они получают меньше прибыли. Когда рабочие организуются, они более эффективно могут вытребовать себе большую часть прибыли. Что происходит в этом случае? Капиталисты отказываются нанимать людей на условиях, которые им диктует организованная рабочая сила.

Какие существуют выходы из этой ситуации? В первом томе «Капитала» Маркс вполне четко описывает это. Вот один из способов - постоянный рост технологий, технические инновации. Технические инновации ставят под удар устоявшуюся рабочую силу, ее позиции, потому что когда вы применяете новую технику, то можно уволить бывших квалифицированных рабочих, то, что Маркс назвал создание резервной армии труда. Но, кроме того, капиталисту приходится идти и дальше. Капиталисту надо найти, чем заменить ставшую дорогой рабочую силу. Один вариант – это привезти иммигрантов из более дешевой страны, а другой вариант – это самим перенести свое производство в страны с более дешевым трудом. Есть еще и другой вариант: попытаться захватить политическую власть и использовать ее для того, чтобы сломать, политические и профсоюзные организации своей рабочей силы, чтобы они не могли настолько же эффективно торговаться с капиталистами, как раньше, мирится с произволом работодателя. Как раз последнее в Беларуси выполнено. На государственных предприятиях работник находится во власти работодателя, то на многих частных предприятий царит полный беспредел.

Ценой рабочей силы выступает заработная плата. Цена — это денежное выражение стоимости товара. Приближение цены к стоимости — это требование закона стоимости, основного закона товарного производства, которым является капитализм. По отношению ко всем остальным товарам формула цены с развитием капитализма в дальнейшем модифицируется, и цена определяется как издержки производства плюс средняя прибыль. Работник же прибыль не получает, поэтому закономерным центром колебаний цен на рабочую силу остается стоимость товара рабочая сила. Стоимость товара рабочая сила определяется как стоимость жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства работника и членов его семьи. Утвержденные белорусским правительством « минимальный потребительский бюджет (МПБ)» или «прожиточный минимум (ПМ)», ни в коей мере, не может быть определителем цены рабочей силы. Эти параметры не учитывают всю стоимость средств для нормальной жизнедеятельности человека.

Если даже так называемые высокооплачиваемые рабочие получают, лишь 30-40 процентов стоимости рабочей силы, неудивительно, что смертность в Беларуси превышает рождаемость, и население Беларуси по этой причине сокращается

Чтобы определить величину стоимости рабочей силы квалифицированного рабочего мы провели расчеты по методики, предложенной российскими рабочими и учеными. Для расчетов использовалось более 40 укрупненных параметров.

Таким образом, стоимость рабочей силы одного работника в Беларуси составляет -3596 руб. При этом ясно, что если заработная плата меньше этой величины, то есть меньше стоимости рабочей силы, нормальное воспроизводство работников и их семей не обеспечивается.

Если даже так называемые высокооплачиваемые рабочие получают, лишь 30-40 процентов стоимости рабочей силы, неудивительно, что смертность в Беларуси превышает рождаемость, и население Беларуси по этой причине сокращается. Не может быть и высокотехнологичного производства, если главная производительная сила — рабочий, трудящийся, не имеет нормальных условий для своего воспроизводства.

В свое статье « Стоимость рабочей силы – объективно необходимый уровень зарплаты» профессор САНКТ – ПЕТЕРБУРСКОГО государственного университета Попов Михаил Васильевич пишет о том, что руководители страны, игнорирующие объективные экономические законы и исповедующие волюнтаризм, пугают тем, что если мы будем следовать объективным требованиям основного экономического закона капитализма — закона стоимости, будет расти инфляция.

Инфляция сейчас состоит в том, что растут цены на все товары, кроме товара рабочая сила. Почему-то на другие товары цены не предлагается заморозить.

Рост зарплаты лишь перераспределяет вновь созданную стоимость, сокращая сверхприбыли капиталистов (в том числе и государственных предприятий) до нормальной капиталистической прибыли, при этом стоимости товаров остаются неизменными. В то же время рост зарплаты увели-

чит спрос, соответственно увеличится предложение, вырастут масштабы производства, сократятся издержки и, следовательно, создастся основа для снижения цен.

Если в экономику внедряются достижения научно-технического прогресса и производительность труда растет быстрее заработной платы, доля зарплаты в стоимости продукции сокращается и укрепляется объективная основа для понижения цен. Рост заработной платы является одним из мощнейших стимулов повышения производительности труда и преодоления на этой основе инфляционных тенденций.

Инфляция умышленно организуется для понижения цены рабочей силы. Поддерживается теми, кто хочет получать большую прибыль не за счет внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, а за счет перераспределения в свою пользу части стоимости рабочей силы и деградации работников. Такие «предприниматели» вошли в противоречие с основной линией экономического развития и будут выброшены из экономики на основе законов самой экономики. Что и происходит у нас. Приближение заработной платы как цены рабочей силы к ее стоимости этому процессу будет способствовать.

Игнорирование в товарной, рыночной экономике объективных законов товарного, рыночного хозяйства подрывает его и тормозит экономическое развитие. Приближение же цены рабочей силы к ее стоимости, выведение заработной платы на объективно необходимый уровень соответствует требованиям закона стоимости и будет способствовать подъему производства и быстрому развитию экономики.

Учитывая, что цены на рынке потребительских товаров в Беларуси не на много уступают действующим ценам в развитых государствах Евросоюза (Германия, Швеция и др.), можно говорить и о примерно такой же цене рабочей силы и на рынках труда этих стран. И если сравнить с уровнем заработных плат там, то можно так же говорить о том, что в этих странах в трудовых отношениях действует закон стоимости и экономика функционирует эффективнее. На фоне сказанного, видно в каком практически безнадежном состоянии находится экономика и производство в Беларуси. Необходимы серьезные преобразования в хозяйстве Беларуси, необходимы и политические и экономические реформы.

О рабочем движении

Если считать, что рабочее движение включает левые, социалистические и соцал-демократические партии, профсоюзы, другие общественно - политические организации работников наемного труда, я в рабочем движении с 1980 года. За это время, работая на производстве, в партийном комитете КПБ - КПСС, возглавляя забастовочные комитеты и профсоюзы, Белорусскую партию труда я мог наблюдать трансформацию рабочего сознания. В советское время рабочие ощущали себя классом и выступали в трудовых конфликтах солидарно. Эти конфликты были в основном локального характера: не согласие со снижением трудоемкости и изменения норм времени и расценок, невыплата своевременно зарплаты или премии, проблемы спецодежды и спецсредств защиты, отношение с мастерами или другими начальниками, но рабочие могли постоять за себя, в том числе и отказами от работы, забастовками. Особенно активность работников по самозащите возросла после, 1985-986 годов. На Гомсельмаше, где я работал за период 1988-1990 годы, произошло более 40 локальных забастовок, в апреле 1990 года общезаводская организованная однодневная забастовка. Похожая ситуация складывалась и ряде других предприятий и организаций города Гомеля. Я привожу эту информацию для скептиков, которые считают и пытаются принизить рабочий класс, рабочее движение. И отметить, что сегодня ничего подобного в Беларуси нет. Значение рабочего класса с одной стороны искусственно декларировалось, препарировалось (в КПСС на предприятиях в партию принимали 75% рабочих), с другой - эксплуатация работников была высокой и норма прибавочной стоимости так же крайне высока.

Трудно представить себе, какие средства были вложены для разрушения классового сознания рабочих, обеспечения победы неолиберальной идеологии. Но не везде отца основатели неолиберализма могут торжествовать. Скорее она претерпевает серьезные проблемы и несет за собой катастрофические последствия: концентрацию капитала, сверх обогащение узкого меньшинства и обнищание подавляющего большинства и как следствие терроризм, войны и другие общественные катаклизмы. Появление новой социально экономической группы - прекариата, новое явление в капиталистическом обществе, направленное против неолиберальных отношений.

В 1991 году в Беларуси произошли практически массовые выступления рабочих. На основе статочных комитетов были созданы новые независимые профсоюзы. Выступление рабочих носило и политический характер, оно проходило под лозунгами, которые носили антикоммунистический и националистический характер. Марксизм был предан анафеме в сознании многих активистов, в основном не знавших и не понимавших его. В советское время рабочие получали хоть искаженное догматическое представление о марксизме. Имена Маркса, Энгельса, Ленина, истинных идеологов рабочего движения окутались негативом. Буржуазные писатели, публицисты, церковники, экономисты, выполняя заказ капитала и идео-

логов неолиберализма старались похоронить и вбить последний, как им казалось гвоздь в подготовленный гроб для рабочей идеологии и ее основателей. Об этом можно говорить и спорить. Можем ли мы сегодня говорить о белорусском рабочем классе, о классе наемных работников, как общественной силе. Класс реален тогда, когда он объединен собственной идеологией, теорией и практикой, солидарен в своих действиях и имеет свои независимые профсоюзы и свою политическую партию. Идеология и теория работников наемного труда одна марксизм и другой нет. Многие критики марксизма говорят, о том, что некоторые аспекты теории марксизма не прошли проверку практикой. И это есть. Значит, они требуют доработки в соответствии с новыми реалиями в развитии капитализма. Марксизм не догма и как любая фундаментальная наука развивается с учетом новых открытий и практических достижений. Маркс всегда имел это в виду. Главное анатомия и суть капитализма раскрыта. Капитализм живучая, развивающаяся и самонастраивающаяся человеко-машинная система. Но движитель системы остается один – прибыль. Но в этом и его проблема.

Марксизм это фундаментальная теория общественного развития. Я хочу сравнить его с физической теорией: физика Ньютона, физика Эйнштейна, физика Планка, и сейчас новая всеобъемлющая теорию суперструн в описании мироздания. То же самое и в развитии общественного производства, общества. О профсоюзах. Маркс обращал внимание на то, что верхушка профсоюзных организаций в конечном итоге может предавать рабочих: их или покупают в большинстве случаев или запугивают. В Беларуси преобладает первое. Работники предприятий и организаций в настоящий момент задавлены, изолированы и не проявляют интерес к консолидации и солидарным действиям. Профсоюзные лидеры и профсоюзные комитеты полностью контролируются администрацией и помогают подавлять работников и держать их в узде. Экономический кризис, падение объемов производства, постоянная угроза увольнения заставляет рабочих мириться с низкой зарплатой, условиями труда. Собственно производственные отношения, действующие в стране, и предполагают такую ситуацию.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МАРКСИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЛЕВЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

15-16 июля 2017 г. в Минске состоялась международная конференция Партии европейских левых «Марксизм и политическая практика левых на современном этапе». В конференции приняли участие представители левых политических партий и учёные из Беларуси, Германии, Греции, Дании и России. Проведение конференции было приурочено к 150-летию выхода первого тома «Капитала» Карла Маркса.

Участники конференции отмечают, что в «Капитале» представлено глубокое исследование капиталистического способа производства и соответствующих ему общественных отношений, раскрыт механизм получения прибавочной стоимости через эксплуатацию труда наёмных рабочих, дана убедительная панорама условий жизни и труда рабочих при капитализме. В «Капитале» Марксом впервые научно доказано, что капитализм является хотя и объективно обусловленной, но исторически преходящей ступенью развития, что на смену капиталистическому способу производства придёт более совершенная система общественных отношений.

Теоретические выводы «Капитала» выдержали испытание временем. В полном соответствии с марксистской теорией мировая капиталистическая система оказалась в глубоком социально-экономическом и политическом кризисе. Антагонистические отношения между трудом и капиталом, обострились до предела и требуют безотлагательного разрешения. Все ускоряющимися темпами идет процесс концентрации и централизации капитала. Углубляется пропасть между богатыми и бедными. Состояние одного процента самых богатых людей сегодня больше чем у остальных 99% жителей земного шара

Современность ставит перед левыми партиями и движениями новые вызовы. Актуальной является задача не только критического анализа современного капитализма, но и выработки привлекательной для людей левой альтернативы общественного развития.

Участники конференции считают, что в 2018 г. – году 200-летия со дня рождения Карла Маркса, – левым по всему миру необходимо приложить усилия к тому, чтобы вклад марксизма в историю общественной мысли был отмечен на высоком научном и общественном уровне.

Минск, 16 июля 2017 г.